

А. ВИЛИНОВИЧ

Дальнейшие похождения Остапа Бендеры

- Нет, братцы,
графское золото
надо ковать срочно,
пока до него не добрался
НКВД со своим ОГПУ...

Дальнейшие похождения Остапа Бендера

Анатолий Вилинович

**Дальнейшие похождения
Остапа Бендера**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

1997

Вилинович А.

Дальнейшие похождения Остапа Бендера / А. Вилинович —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,
1997 — (Дальнейшие похождения Остапа Бендера)

Книга «Дальнейшие похождения Остапа Бендера», воскрешает образ Остапа Бендера, замечательного литературного героя из произведений великих писателей Ильи Ильфа и Евгения Петрова. После того, как из великого комбинатора графа Монте-Кристо не вышло, он был ограблен при переходе румынской границы, недавний миллионер-одиночка не расстается со своей хрустальной мечтой детства уехать в Рио-де-Жанейро. Находясь в поиске заветных миллионов для осуществления своей мечты, Бендер вновь встречается с Адамом Козлевичем и Шурой Балагановым. О приключениях этих концессионеров продолжают повествовать книги: «Остап Бендер в Крыму», «Остап Бендер и Воронцовский дворец», вышедшие уже в свет. Готовятся к изданию и другие, продолжающие повествовать о захватывающих приключениях этих героев.

© Вилинович А., 1997
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого, 1997

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОСЛЕ КРУШЕНИЯ	8
Глава I. ХУДОЖНИК, ПОЭТ, СЛУЖИТЕЛЬ ИСКУССТВ В ОДНОМ САПОГЕ	8
Глава II. ПАССАЖИР БЕСПОСАДОЧНОГО ПЕРЕЛЕТА И ПЛАГИАТ	18
Глава III. ПЕРЕД ДИЛЕММОЙ: КАК БЫТЬ?	30
Глава IV. О ТОМ, КАК ШУРА БАЛАГАНОВ ИЗБЕЖАЛ ДОПРА	34
Глава V. В КИЕВЕ. УЧРЕЖДЕНИЕ «ДОЛАРХ»	45
Глава VI. ОТ АРХЕОЛОГИИ К КОММЕРЦИИ	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

АНАТОЛИЙ ВИЛИНОВИЧ ДАЛЬНЕЙШИЕ ПОХОЖДЕНИЯ ОСТАПА БЕНДЕРА

*Посвящается моему отцу Алиману, большому труженику,
наделенному острым чувством юмора и всего прекрасного.*
Автор

ПРЕДИСЛОВИЕ

Государственную границу нарушать нельзя. Тайный переход государственной границы или попытка тайно перейти ее карается законом. И не смотря на это только с начала тридцатых годов пограничники задержали более 12-ти тысяч нарушителей на советско-румынской границе.

А сколько родилось небылиц смешных и горестных о тайном переходе границы! Вот одна из них. Двое влезли в чучело коровы и пошли к границе. Вдруг смотрящий из-под хвоста чучела кричит: – Ой, мы пропали! – Гонится пограничник? – замер передний. – Хуже, бык! А вот другой случай. Ночь. К границе крадется человек. Пограничник: – Стой! Кто идет? Нарушитель: – Ша, ша, что вы кричите, уже никто никуда не идет. И еще. На нарушителя границы напала собака. Он от нее, она за ним, он от нее, она за ним. Он проваливается в зловонную яму. Собака у ямы победоносно рычит. Нарушитель: – Ну что, добегалась, сука?

Это, конечно, анекдоты, а вот история горестная, но похожая на правду. Один человек, накупил много золотых ценностей, влез в дорогую шубу, водрузил на голову бобровую шапку и ночью, ранней весной, пошел через пограничный Днестр. Когда, идя по льду, падал, то вся золотая начинка его одежды издавала брязканье и звяканье, вызывая испуг нарушителя, вдруг услышат пограничники.

Перебравшись через реку, странный человек был встречен румынскими пограничниками. И на его радостное приветствие по-румынски один из пограничников вместо ответа, сдернул с головы нарушителя меховую шапку.

– Но, но, но, я буду жаловаться! – закричал перебежчик и попытался возвратить ее.

Но не ту-то было. Последовал удар другого пограничника, третьего... А когда из карманов шубы посыпались золотые изделия, началось настояще потрошение одежды нарушителя с избиением его со всех сторон. Защищая свои ценности, человек сражался, как лев, но силы были не равные.

Избитый до потери сознания он опомнился на льду реки, с одним сапогом на ноге, без шубы, шапки и без ценностей.

– Буржуи проклятые! – прокричал пострадавший с трудом вставая. – Грабители трудового народа! Сигуранца проклятая!

С высокого берега реки вражеский офицер-пограничник угрожал ему пистолетом. Сгибаясь, ограбленный заковылял туда откуда пришел. Вдруг под его ногами лед закачался, послышался оглушительный треск, скрежет и в ноги хлюпнула вода. На реке начинался ледоход. Как только мог, нарушитель побежал к спасительному берегу, который он совсем недавно так самоуверенно покинул.

Выбравшись на берег, пострадавший нарушитель громко произнес:

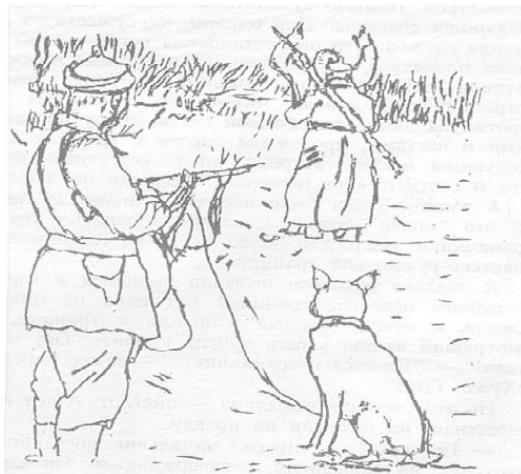
– Не надо оваций! Графа Монте-Кристо из меня не вышло, придется переквалифицироваться в управдомы.

Звали этого литературного героя Остап Бендер. Но он часто расширял свое имя словами Остап Сулейман Ибрагим Берта Мария Бендер – сын турецко-подданого.

Вот такая история, рассказанная словами автора, произошла с героем из бессмертного романа «Золотой теленок» великих писателей Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Персонажи этого романа и далее будут встречаться на страницах этой книги. И чтобы была ясность, кто они и что они, советую почитать внимательно роман «Золотой теленок».

В свое время книги Ильфа и Петрова были настольными всех студентов литфака, журфака, филфака и других факультетов. А также всех культурных людей, не обделенных чувством юмора.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОСЛЕ КРУШЕНИЯ

Глава I. ХУДОЖНИК, ПОЭТ, СЛУЖИТЕЛЬ ИСКУССТВ В ОДНОМ САПОГЕ

Старший пограничного поста сидел за столом и при свете керосиновой лампы, цокая пером в ученическую чернильницу, составлял докладную о задержанных за сутки нарушителях границы.

- Где взял? – спросил он, мельком взглянув на вошедшего пограничника с задержанным.
- А на берегу Днестровского лимана, Иван Акимович.
- Контрабанда? – не отрывал глаз от своего письма старший.
- Ничего не обнаружил. Вот разве в другом сапоге могло что-то быть, – предположил пограничник, указав на ногу в одном носке задержанного, дрожащего от холода.
- Да, я… – промямлил Остап, так как задержанный был никто иной, как великий комбинатор, недавний миллионер-одиночка, так жестоко ограбленный румынскими пограничниками. – Сигурэнцей проклятой, как он их назвал.
- Ясно… – дописывал сосредоточенно докладную старший. – Утопил, гад, улики?
- Да я… я свято чту уголовный кодекс, товарищи! – взмолился горячо Остап.
- Документы? – оставил ручку в чернильнице, складывал листки с написанным старший.
- Утонули, нет у меня документов, товарищ начальник, – трагическим голосом ответил Бендер. Нагнулся, растирая ногу в носке, и незаметно потрогал вшитый в штанину карман со своим паспортом.
- Врешь, контра, – презрительно взглянул на задержанного тот, складывая докладную в конверт. – К румынам шел или к нам?
- Да я… – веселого и самоуверенного до наглости Остапа Бендера было не узнать. Он сник, не только после того, как графа Монте-Кристо из него не вышло, но еще больше был потерян сейчас, осознав, в какую передрягу попал.
- Я чуть не утонул, товарищи пограничники… – плаксивым голосом протянул Остап.
- Фамилия, имя, год рождения? Пиши допрос, Сидоров, а я на кухню за компотом и кашей схожу.
- Так я сейчас принесу, Иван Акимович, чего там…
- Лакеев с семнадцатого нет, Сидоров, – встал и с котелком пошел к выходу старший. – Пиши, я сказал… – приказал он, выходя.

– Товарищ пограничник, это недоразумение, поверьте, я всегда чту... – взмолился Остап, воспылав надеждой положительно повлиять на Сидорова.

– Заткнись, контра! – заорал на него тот. – Сядь и отвечай на вопросы, кому говорят! Фамилия, имя, отчество? Ну? – сел за стол пограничник, пододвигая к себе бумагу и чернильницу с ручкой.

– Измиров Богдан Османович, – назывался Остап вымышленным именем, потрогав в носке на ноге без сапога единственную ценность, оставшуюся чудом после ограбления. Это был орден Золотого Руна, который он успел сунуть туда, когда его брали пограничники.

– Год рождения и место? – макнул ручку в чернильницу Сидоров.

– 1898-й, Одесса...

– Национальность?

– Отец турок, мать украинка, – помедлив, ответил Бендер, утаив свое обычное: «я сын турецко-подданного».

– Украинец, значит? Или турком писать? – воззрился на Остапа пограничник.

– Украинец, украинец, по матери надо, – поспешил заверить Бендер, растирая ногу без сапога. – Какой там турок? Я и турецкого не знаю, – пожал плечами потомок янычаров.

Вошел начальник погранпоста. С котелком в одной руке и с парующей кружкой – в другой.

– Компота нет, чай дала, – пояснил он, усаживаясь на свое место. – Ну, что, контра?

Сидоров протянул ему первый листок протокола. Тот пробежал его глазами и скривился.

– С каким заданием шел к нам или от нас? – возвратил он бумагу подчиненному. – Пиши. – А сам начал сосредоточенно есть кашу и запивать чаем.

– Да с каким там заданием, товарищи! – взмолился Бендер. – Не шел я ни к румынам, ни... – запнулся он. – Я художник, поэт, служитель искусств, – начал выдавать себя за кого угодно Остап, лишь бы выйти сухим из такого угрожающего его судьбе обстоятельства.

– Художник, говоришь? А где же твои краски... приспособления? Как это... – взглянул за подсказкой на Сидорова старший.

– А-а, – понял Остап. – Мольберт, кисти, краски, вы имеете в виду? – и горько вздохнув, пояснил: – Утонули в лимане, с сапогом вместе, – поднял он ногу в носке. – Я на лимане рисовал пейзаж... лед проломился и я чудом выбрался на берег, поверьте, товарищи...

– Молчать, контра! – заорал на этот раз и старший, оторвавшись от каши и чая. И ужетише: – Вот поставят тебя к стенке, сразу скажешь, куда шел и с каким заданием, – снова вперил свой взгляд в котелок старший пограничник, старательно выгребая кашу.

– Так что писать, Иван Акимович? – защокал пером в чернильнице Сидоров.

– Вот и пиши, задержанный признался, что боясь разоблачения, все улики утопил в лимане... – заскреб ложкой в котелке тот, не глядя ни на писаря, ни на задержанного.

– Так утонули же мольберт, краски, кисти, сапог! – взмолился убеждающе Бендер. – И шуба... пальто, – заменил он тут же шубу на пальто. – Я всегда чтил и чту уголовный кодекс, товарищи! – приложил молитвенно руки к груди он.

– Если бы чтил, то не околачивался бы в погранзоне, контрик, – усмехнулся Сидоров, записывая то, что указал старший.

– Товарищи, но почему вы мне не верите, ведь я... – чуть не плача взмолился Бендер.

– А как тебе верить, если ты говоришь, что ночью у нас рисовал картину, – прикурил старший самокрутку над лампой.

– Кто же ночью рисует? – пустил смешок Сидоров.

– Говори, как на духу, что делал ночью в погранзоне, контра? – затянулся махорочным дымом старший.

В голове Остапа замелькали мысли в поисках доказуемого оправдания, и такое нашлось.

— Так я же и говорю, дорогие товарищи. Я художник, поэт по заказу музея рисовал картину «Лунная ночь на Днестре» — назвал он творение великого Куинджи, заменив Днепр на Днестр. — Вы, наверное, видели в одесском музее мою картину «Лунная ночь на Днепре». Вот музей и заказал мне картину такую же, но на Днестре. Такие картины рисуют только ночью, дорогие товарищи, при луне... — пояснил «великий художник». — Лунная ночь как раз и была...

— А где ты живешь в Одессе? — спросил вдруг старший.

— Малая Касательная, шестнадцать, — без малейшего промедления выпалил Остап, вспомнив адрес Корейко. И для большей убедительности добавил: — Рядом с кинотеатром «Капитолий», — пришла ему на ум мысль так сказать, вспомнив место расположение его конторы по заготовке рогов и копыт.

— Проверим, — расстегнул старший ворот гимнастерки, ему стало жарко от плотного завтрака.

И Остап увидел сквозь расстегнутый ее ворот край морской тельняшки. «Определенно он из матросов. Как это я раньше не заметил наколку — якорь на руке, когда он выгребал кашу из котелка?» — мысленно засокрушился он и, пытаясь расположить пограничников к себе, предложил:

— Хотите послушать одесский портовый анекдот?

— Послушаем, если портовый, Сидоров?

— В рваном клеше и тельняшке одессит с причала спрашивает: «Эй, на шхуне!.. — Ему в ответ: «Да, на шхуне». Одессит: «Вы на работу берете? «Нет, не берем». «Ха, счастье, ваше, — пошел по пирсу безработный, — а то бы я вам наработал».

Сидоров хмыкнул, старший взглянул на него и с непроницаемым выражением лица произнес:

— Бендюги какой-то...

«Не взяло», — мысленно отметил Остап и быстро проговорил: — А вот еще, морской, товарищи. Кораблекрушение. Спасатели за волосы вытаскивают тонущих пассажиров из воды в лодку. Одного, другого, третьего. А четвертый попался лысый. Спасатель, хлопая его по лысине, строго: — Товарищ, нам не до шуток. Дайте голову!»

И этот анекдот не рассмешил пограничников. «Не берет их юмор — подумал Бендер.

— Ясно... — хлопнул ладонью-лопатой по столу старший пограничник и встал. — Отведи его, Сидоров, к тем двоим в задержалку. Завтра всех троих отправим как положено.

— Сейчас, Иван Акимович, допишу вот только... — засуетился за столом Сидоров.

Иван Акимович взял котелок и кружку, чтобы помыть их или сходить за новой порцией каши, но сел, так как Сидоров подал ему листки для подписи. Старший прочел и повторил вслух часть написанного: — Выдает себя за художника и поэта, — за поэта выдает себя...

— А ну-ка почитай нам свои стихи, раз ты поэт, — откинулся он на спинку стула.

И Остап, набрав в грудь побольше воздуха, начал декламировать все, что ему приходило на ум.

— Стихи, как стихи, — пожал плечами старший пограничник, когда бывший миллионер-одиночка сделал паузу, смахнув со лба пот. — Что же в них о мировой революции ничего не сказано?

— И о текущем моменте, о построении социализма в нашей стране? — вставил критически Сидоров.

— И это есть, есть, дорогие товарищи! Я только вчера отдал их для напечатания в газете, поверьте, клянусь, — застучал себя в грудь не только великий комбинатор, но и непревзойденный выдумщик. — Как только выйдет газета, я сразу пришлю ее вам.

Видя, что его поэзия и обещание не произвели не стражей границы нужного впечатления, он совсем упал духом, как вдруг его осенило и он с надеждой выпалил:

– А вот послушайте стихи, которые очень любил герой революции лейтенант Шмидт. Он вспомнил свои стихи, которые в юности пытался напечатать в газете:

Светит солнце в голубом просторе неба,
Легкий бриз гуляет по волнам,
Выгибает парус белоснежный,
Чтоб ладья неслась к моим мечтам.
Туда, где счастья вдоволь,
Чтобы строить жизнь как тот народ,
Страны, где пролетарская свобода,
И Советскою страной она себя зовет!

Последние строки Остап сочинил тут же в угоду пограничникам. Они остановились и смотрели на декламатора со вскинутой рукой и в одном сапоге. И он продолжил, не охлаждая свой поэтический порыв:

О, море! Любовь моя!
Волнующей лазурью волн
Ты призываешь нас
К свержению мирового капитала!

– Или вот любовное, товарищи, – несло великого сочинителя поэзии:

О, жизнь моя! Любовь морская!
Мечта и сладость мук душевных!
Невидимо несешься по волнам
И даже робко мне не внемлешь...

- не в рифму импровизировал он.
 - И эти стихи в газете напечатают? – спросил старший.
 - И эти, – кивнул Бендер, жалостливо глядя на вершителя своей судьбы. – Если... Если бы я смог сегодня подписать гранки, дорогие товарищи, тяжело вздохнул задержанный.
 - Гранки? Это как же понимать, а? – звякнул котелком старший.
 - Ну, значит... первые... контрольные отпечатки, правильно ли все, как я только что прочел.
 - А-а... – протянул понимающе старший и загасил лампу.
- За окнами уже светило солнце, было слышно как с крыши срывались оттаявшие сосульки. Как порывами теплого ветра, весна отогревала зимнюю природу.
- Да, сейчас не все знают, что эти стихи любил лейтенант Шмидт.
 - А ты откуда знаешь, поэт? – недоверчиво воззрился на Бендера старший погранзащитник.
 - Знаю, от его детей Коли и Васи, – не моргнув глазом, пояснил Остап. И чтобы не дать стражам границы задавать уточняющие вопросы, поторопился сказать: – Я с ними дружу. Хорошие товарищи, настоящие сыны своего отца-героя. Они ездят по городам, рассказывают о своем отце, как он поднял восстание, собирают пожертвования на памятник лейтенанту Шмидту...

Объяснение Бендера произвело благоприятное впечатление на стражей границы. Некоторое время они молчали, затем Сидоров тихо не смело спросил:

– Иван Акимович, а может и нам сколько-нибудь на памятник?

– Можно. И вот что, Сидоров, улик у задержанного нет, нарушение одно – был в погранзоне. – И взглянул на необутую ногу Остапа, сочувствуя от отметил: – Сам пострадал, видать... Художник-поэт дружит с детьми лейтенанта Шмидта, – почесал затылок он. – Отпустим? Пусть идет, едри его корень. И без него хлопот не оббираешься... Но чтобы газету прислал! – строго предупредил он Бендера.

– И адрес, куда деньги послать на памятник лейтенанту Шмидту, – добавил Сидоров.

– Клянусь, клянусь, дорогие товарищи! – ожил великий выдумщик, не веря, что его вот-вот отпустят. Не во сне ли это?

– Сидоров, дай ему на ногу что-нибудь. Пока доберется, нога и окоченеет у поэта.

– Благодарю, благодарю, дорогие товарищи, ах, как я вам благодарен! – рассыпался в жарких словах не вышедший в графа Монте-Кристо.

– Стихи пришли, понял? – строго погрозил пальцем Бендеру старший, уходя. – И адрес...

– Пришло, непременно пришло,уважаемый служитель границы.

– И адрес...

– Идем, что-то на ногу дам, – скомандовал Сидоров. – Да и прикроешься чем-нибудь.

Вскоре бывший миллионер-одиночка шел от погранпоста у приднестровских плавней к проезжему тракту, стремясь как можно быстрее достичь его и устроиться на какой-нибудь попутный транспорт.

Одна нога Остапа была в сапоге, другая в изношенном войлочном опорке. Голову прикрывала замусоленная армейская фуражка с оторванным козырьком, а фигуру великого комбинатора согревала старая попона, пропахшая конским потом и навозом.

Когда Бендер добрался до большака, то быстрее зашагал в сторону, откуда он еще вчера, тяжело нагруженный золотом, прибыл поближе к румынской границе.

Недлинный мартовский день уже шагнул за полдень. То, что расквасилось под лучами солнца, снова затягивалось узорчатой ледяной корочкой. Дорога была пустынна. Ни в его сторону, ни на встречу никто не шел и не ехал. И только в небе проплыval курлыкающий косяк журавлей, который Остап проводил взглядом, пока стая не скрылась из виду.

Остап не шел, а брел уже более часа, когда впереди послышалось громкое тарахтенье и он увидел – навстречу ему с хвостом сизого дыма катится, подпрыгивая, автомобиль. И когда машина приблизилась, Бендер узнал в ней до боли знакомую ему «Антилопу». Он замахал руками, как утопающий, увидев спасательный корабль.

– Адам! Адам! – заорал он, видя за рулем кожаную куртку Козлевича.

Но Адам Казимирович зазвенел колокольчиком, что означало: «Берегись» и, свернув к обочине, проехал мимо.

– Адам! Адам! – понесся рысью великий комбинатор за автомобилем.

Козлевич сквозь тарахтенье мотора услышал голос бывшего председателя конторы «Рога и копыта». Он уменьшил выпуск сизой гари из своего «лорен-дитриха» и остановился. Вышел из машины и с удивлением, на какое он только был способен, смотрел на странного путника, в котором узнал своего бывшего командора.

– Адам! Адам! – подбежал к нему Бендер. – Помогите, Адам Казимирович! Мне плохо, очень плохо, меня ограбили, оставили ни с чем. Я чуть было не попал под статью уголовного кодекса. Помогите мне, Адам...

– Дорогой Бендер! – осматривал великого комбинатора добрейший Козлевич и соболезнующим голосом промолвил: – Я всегда... Но сейчас, – указал он на своих четырех пассажиров.

На сидениях сидела пара новобрачных, солидный мужчина с такими же кондукторскими усами, как и у Козлевича, и полная дама в меховой шапке.

– Везу новобрачных, папу и маму жениха в их родные места. Чем я могу помочь вам? Разве что... – открыл багажник «лорен-дитриха» Адам Казимирович. – Дать вам мои ботинки с крагами, да вот эту толстовку... Мои наниматели меня приодели, хотят выдать меня за слу-

жебного шофера, чтобы пыль в глаза людям пустить там, куда меня они подрядили. Берите, Бендер, что могу…

– И немнога денег бы, Адам Казимирович… – попросил бывший миллионер-одиночка. – Я верну вам с процентами, – сбросил с себя конскую попону Остап.

На довольно странного путника с нескрываемым любопытством взирали пассажиры «Антилопы».

– Вот пятнадцать рублей, Остап Ибрагимович, и немнога мелочи, – вручил сердобольный Козлевич неудавшемуся «графу Монте-Кристо» деньги.

– И вы не можете взять меня с собой? – голосом впадающим в плаксивость спросил Бендер.

– Да рад бы, дорогой, но места нет, видите… пассажиры… – повел рукой Козлевич в сторону машины, и виновато опуская голову.

– Ах, Адам, Адам… Как я несчастен, дорогой мой Адам Казимирович, – покачал головой Остап.

Козлевич растроганно смотрел на Бендера, не зная, как и чем утешить его.

– Едем, едем, хозяин! – донесся раздражительный голос старшего пассажира, подрядившего «лорен-дитрих» для поездки в село, чтобы хвастнуть перед своими односельчанами.

Козлевич сел за руль, не отрывая сочувствующего взгляда от своего бывшего командора. Звякнув колокольчиком и выпустив облако сизого дыма, «Антилопа», запрыгав на кочках и выбоинах дороги, покатилась по своему маршруту, оставив печально смотревшего ей вслед Бендера.

Но машина вдруг остановилась. И Остап увидел, как из нее выскоцил усатый пассажир с бутылью и стаканом в руках, и побежал к нему.

– Нам рассказал механик, как вы пострадали, добрый человек, от бандитов. Очень прошу вас выпить чарку за наших молодых!

– Да-да, – побежала и его жена, держа в руках колбасу, краюху хлеба и кислый огурец. – Не побрезгуйте, выпейте, пожалуйста, за счастье наших детей, и закусите, чем Бог послал, – протянула она Бендеру закуску.

Из автомобиля смотрели с участием новобрачные и сердобольный Адам Казимирович.

Остап ничего не ел со вчерашнего дня и не заставил себя долго упрашивать.

– Благодарю, благодарю вас, уважаемые, – и залпом выпил поднесенный ему стакан самогона. С жадностью захрустел огурцом, отхватив крепкими зубами хлеба и колбасы. С набитым ртом забубнил благодарность и пожелание долгой и счастливой жизни молодым.

– Ну и доброе, ну и доброе, – пошли к машине родители жениха с чувством выполненного ритуального долга.

«Антилопа», зазвонив колокольчиком, снова закачалась на неровностях дороги, оставляя за собой запах гари.

Повеселевший Остап помахал ей руками с зажатыми в них колбасой, хлебом и огурцом.

– Счастья молодым! – прокричал он еще раз уехавшим. – Да, – произнес он затем, когда «лорен-дитрих» Козлевича скрылся из виду. – Я теперь, дорогой Адам, не Кавалер ордена… – спохватился он и с беспокойством запустил руку в носок ноги в опорке. Вздохнул облегченно, когда извлек оттуда чудом уцелевший от «сигуранцы проклятой» и от своих пограничников орден Золотого Руна. Взглянул на него, покачал головой, и продолжил: – Не Кавалер ордена Золотого Руна и не Кавалер ордена Золотого тленка, а скорее всего Кавалер Печального Образа, господа. – И начал одевать ботинки, краги и толстовку, так великолепно подаренные ему добрым Адамом Казимировичем. Посмотрев в сторону уехавшей «Антилопы», он произнес: – Свет не без добрых людей, господа присяжные. Займусь теми же мечтами своей юности. А в управдомы переквалифицироваться я всегда успею, – вдруг со стороны, куда уехал «лорен-дитрих» вновь послышалось знакомое тарахтенье и вдали показался снова самодвижущийся

аппарат Козлевича. Подъехав ближе, машина начала разворачиваться, чтобы ехать снова туда, откуда прикатила.

Остап с удивлением смотрел на ее маневр и громко прокричал:

– Что случилось, Адам Казимирович?

– Я вас догоню, Остап Ибрагимович, – подбежал к нему великий автомеханик. – Я только завезу их, верну им часть денег и сразу же за вами. Вы же не будете быстро идти?

– Хорошо, хорошо, дорогой Адам, – растроганно проговорил Остап.

– Ждите меня, товарищ Бендер! Я догоню вас, – прокричал уже от своего «лорен-дитриха» Козлевич, садясь за руль и отъезжая.

– Благодарю, дорогой Адам, тронут до глубины души! – прокричал вслед удаляющейся машине Бендер.

Так кто же это такой Адам Казимирович Козлевич? Такой добный и отзывчивый человек? Автор может посоветовать читателю прочесть роман «Золотой теленок» великих писателей Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Но поскольку не у каждого есть такая возможность обратимся к несколько сокращенным страницам.

В городе Арбатове появился первый автомобиль с шофером по фамилии Козлевич. К автомобильному делу его привело желание начать новую жизнь. Жизнь Адама Казимировича до этого решения была греховна. Он беспрестанно нарушал Уголовный кодекс РСФСР. Присидев в общей сложности года три, Адам Козлевич пришел к мысли, что лучше приобретать честно свою собственность, чем похищать чужую. Адаму Казимировичу Козлевичу было сорок шесть лет, происходил он из крестьян бывшего Ченстоховского уезда, холостой, неоднократно судившийся, стал честным человеком.

После двух лет работы в одном из московских гаражей, он купил по случаю такой старый автомобиль, что появление его на рынке было причиной только ликвидацией автомобильного музея. Автомобиль был продан Козлевичу за сто девяносто рублей и почему-то с пальмой в зеленой кадке. Машина требовала большого ремонта. Марка машины была неизвестна, но Адам Казимирович утверждал, что это «лорен-дитрих» и в доказательстве прикрепил заводскую бляшку этой фабрики. Автомобиль Адам выкрасил в ящерицний зеленый цвет.

В тот день, когда Адам Казимирович собрался впервые приступить к частному прокату, о котором Козлевич давно мечтал, частных шоферов потрясло событие. В Москву прибыли сто двадцать маленьких, черных, похожих на браунинги таксомоторов «рено». Козлевич даже не пытался с ними конкурировать. Пальму он сдал на хранение в извозчицу чайную «Версаль» и выехал на работу в провинцию.

Арбатов, лишенный автомобильного транспорта, понравился шоферу, и он решил остаться в нем навсегда.

Адаму Казимировичу представилось, как он дежурит со своим автомобилем у вокзала, как встречает пассажиров, как мчит их в Дом крестьянина. Как летом вывозит семьи за город. Так рисовалась Козлевичу его новая чудная жизнь в Арбатове. Но действительность развеяла его воображение в прах.

Сначала подвел железнодорожный график. Скорые и курьерские поезда проходили станцию Арбатов без остановки, с ходу принимая жезлы и сбрасывая спешную почту. Смешанные поезда приходили только дважды в неделю. Пассажиры таких поездов машиной не пользовались. Экскурсий и торжеств не было, а на свадьбы Козлевича не приглашали. Под свадебные процесии привыкли нанимать извозчиков.

Однако загородных прогулок было множество. Но они были совсем не такими, о каких мечтал Адам Казимирович. Не было ни детей, ни трепещущих шарфов, ни веселого лепета.

В первый же вечер, озаренный неяркими керосиновыми фонарями, к Адаму Казимировичу, который весь день бесплодноостоял на Спасо-Кооперативной площади, подошли чет-

веро мужчин. Долго и молчаливо они вглядывались в автомобиль. Потом один из них, горбун, неуверенно спросил:

- Всем можно кататься?
- Всем, – ответил Козлевич. – Пять рублей в час.

Мужчины зашептались. И впервые поместительная машина приняла на свои сидения арбатовцев. Вначале седоки молчали, потом начали петь.

- Стой! – закричал вдруг горбун. – Давай назад! Душа горит.

В городе седоки захватили много белых бутылочек и какую-то широкоплечую гражданку. В поле разбили бивак, ужинали с водкой, а потом без музыки танцевали польку-кокетку.

На следующий день к вечеру явилась вчерашняя компания, уже навеселе, снова уселась в машину и всю ночь носилась вокруг города. На третий день повторилось тоже самое. Ночные пиры, под председательством горбuna, продолжались две недели кряду.

В последующее затем серенькое утро железнодорожный кооператив «Линеец», в котором горбун был заведующим, а его веселые товарищи – членами правления и лавочной комиссии, закрылся для переучета товаров. А каково же было горькое удивление ревизоров, когда они не обнаружили в магазине никаких товаров. Полки, прилавки, ящики и кадушки – все были пусты. Только посреди магазина на полу стояли вытянувшиеся к потолку гигантские охотничьи сапоги сорок девятый номер на желтой картонной подошве, и смутно мерцала в стеклянной будке автоматическая касса «Националь». А к Козлевичу на квартиру прислали повестку от народного следователя, шофер вызывался свидетелем по делу кооператива «Линеец».

Горбун и его друзья больше не являлись, и зеленая машина три дня простояла без дела.

Новые пассажиры, подобно первым, являлись под покровом темноты. Они тоже начинали с невинной прогулки за город, но мысль о водке возникала у них, едва только машина делала первые полкилометры.

Все шло совсем не так, как предполагал Адам Казимирович. По ночам он носился с зажженными фарами мимо окрестных рощ, а днем, одрев от бессонницы, сидел у следователя и давал свидетельские показания.

Начались судебные процессы. И в каждом из них главным свидетелем обвинения выступал Адам Казимирович. Последним его свидетельским выступлением было в судебном процессе по делу областной киноорганизации, снимавшей в Арбатове исторический фильм «Стенька Разин и княжна». Весь филиал этой организации упрашивали на шесть лет, а фильм был передан в музей вещественных доказательств, где уже находились охотничьи ботфорты из кооператива «Линеец».

После этого наступил крах. Зеленого автомобиля стали бояться, как чумы. Граждане далеко обходили Спасо-Кооперативную площадь, на которой Козлевич водрузил полосатый столб с табличкой: «Биржа автомобилей». В течении нескольких месяцев Адам не заработал ни копейки и жил на сбережения, сделанные им за времяочных поездок.

Тогда он на дверце автомобиля вывел белую надпись: «Эх, прокачу!» – и снизил плату с пяти рублей в час до трех. Но и это не привлекло пассажиров. На его призывы покататься, ему отвечали:

- Сам катайся, душегуб!
- Почему же душегуб? – чуть не плача, спрашивал Козлевич.
- Душегуб и есть, – отвечали ему, – под статью подведешь.
- А вы бы на свои деньги катались! – запальчиво кричал шофер.

Но все это приносило шоферу только моральное удовлетворение. Материальные дела его были нехороши. Сбережения подходили к концу. Надо было принимать какое-то решение. Дальше так продолжаться не могло.

Адам Казимирович сидел однажды в своей машине и был так погружен в свои печальные размышления, что не заметил двух молодых людей любовавшихся его машиной.

Это были Остап Бендер и его новый компаньон-единомышленник Шура Балаганов, о котором будет рассказано в следующей главе этой книги.

– Оригинальная конструкция, – сказал, наконец, один из них, – Заря автомобилизма. Видите, Балаганов, что можно сделать из простой машинки Зингер? Небольшое приспособление – и получилась прелестная колхозная сноповязалка.

– Отойди, – угрюмо сказал Козлевич.

– То есть как это «отойди»? Зачем же вы поставили на своей молотилке рекламное клеймо «Эх, прокачу!»? Может быть, мы с приятелем желаем именно эх-прокатиться?

В первый раз за арбатовский период жизни на лице мученика автомобильного дела появилась улыбка, он выскоцил из машины и проворно завел тяжело застучавший мотор.

– Пожалуйста, – сказал он, – куда везти?

– На этот раз – никуда, – заметил Балаганов, – денег нету. Ничего не поделаешь, товарищ механик, бедность.

– Все равно садись! – закричал Козлевич отчаянно. – Подвезу даром. Пить не будете? Голые танцевать не будете при луне? Эх! Прокачу!

– Ну что ж, воспользуемся гостеприимством, – сказал Остап, усевшись рядом с шофером. – У вас, я вижу, хороший характер. Но почему вы думаете, что мы способны танцевать в голом виде?

– Тут есть такие – ответил шофер, выводя машину на главную улицу, – государственные преступники.

Его томило поделиться с кем-нибудь своим горем. И шофер рассказал новым пассажирам всю историю падения города Арбатова, в котором пришлось работать его зеленому автомобилю.

– Куда теперь ехать? – с тоской закончил Козлевич. – Куда податься?

Остап помедлил, значительно посмотрел на своего рыжего компаньона и сказал:

– У вас упадническое настроение. У вас есть автомобиль – и вы не знаете куда ехать. У нас дело похуже – у нас автомобиля нет. Но мы знаем куда ехать. Хотите, поедем вместе?

– Куда? – спросил шофер.

– В Черноморск, – сказал Остап. – У нас там небольшое интимное дело. И вам работа найдется. В Черноморске ценят предметы старины и охотно на них катаются. Поедем.

Сперва Адам Казимирович только улыбался, словно вдова, которой ничего уже в жизни не надо. Но Бендер не жалел красок. Он развернул перед смущенным шофером удивительные дали и тут же раскрасил их в голубые и розовые цвета.

– А в Арбатове вам терять нечего, кроме запасных цепей. По дороге голодать не будете. Это я беру на себя. Бензин ваш – идеи наши.

Козлевич остановил машину и, все еще упираясь, хмуро сказал:

– Бензина мало.

– На пятьдесят километров хватит?

– В таком случае все в порядке. Я вам уже сообщил, что в идеях и мыслях у меня недостатка нет. Ровно через пятьдесят километров вас прямо на дороге будет поджидать большая железная бочка с авиационным бензином. Вам нравится авиационный бензин?

– Нравится, – застенчиво ответил Козлевич.

Жизнь вдруг показалась ему легкой и веселой. Ему захотелось ехать в Черноморск немедленно.

– И эту бочку, – закончил Остап, – вы получите совершенно бесплатно. Скажу больше, вас будут просить, чтобы вы приняли этот бензин.

– Какой бензин? – шепнул Балаганов, – Что вы плетете?

Остап важно посмотрел на оранжевые веснушки, рассеянные по лицу молочного брата, и так же тихо ответил:

— Людей, которые не читают газет, надо морально убивать на месте. Вам я оставляю жизнь только потому, что надеюсь вас перевоспитать.

Остап не разъяснял какая связь существует между чтением газет и большой бочкой бензина, которая якобы лежит на дороге.

— Объявляю большой скоростной пробег Арбатов — Черноморск открытым, — торжественно сказал Остап. — Командиром пробега я назначаю себя. Водителем машины зачисляется... как ваша фамилия? Адам Козлевич. Гражданин Балагановт утверждается бортмехаником с возложением на такового обязанностей прислуги за все. Только вот что, Козлевич, надпись: «Эх, прокачу!» надо немедленно закрасить. Нам не нужны особые приметы.

Через два часа машина со свежим темно-зеленым пятном на боку медленно вывалилась из гаража и в последний раз покатила по улицам города Арбатова. Надежда светилась в глазах Козлевича. Рядом с ним сидел Балаганов. Он хлопотливо перетирал тряпкой медные части, ревностно выполняя новые для него обязанности бортмеханика. Командор пробега развалился на рыжем сиденье, с удовлетворением поглядывал на своих подчиненных.

— Адам! — закричал он, покрывая скрежет мотора. — Как зовут вашу тележку?

— «Лорен-дитрих» — ответил Козлевич.

— Ну что это за название? Машина, как военный корабль, должна иметь собственное имя. Ваш «лорен-дитрих» отличается замечательной скоростью и благородной красотой линий. Посему предлагаю присвоить машине название — «Антилопа-Гну». Кто против? Единогласно.

Зеленая «Антилопа», скрипя всеми своими частями, промчалась по внешнему проезду Бульвара Молодых Дарований и вылетела на рыночную площадь.

Там взору экипажа «Антилопы» представилась странная картина. С площади, по направлению к шоссе, согнувшись, бежал человек с белым гусем под мышкой. Левой рукой он придерживал на голове твердую соломенную шляпу. За ним с криком бежала большая толпа. Убегающий часто оглядывался назад, и на его благообразном актерском лице можно было разглядеть выражение ужаса.

— Паниковский бежит! — закричал Балаганов.

— Сто шестнадцатая статья — наизусть сказал Козлевич.

Машина выбралась на шоссе, прорезав галдящую толпу.

— Спасите! — закричал Паниковский, когда «Антилопа» с ним поровнялась.

Машина обдала Паниковского клубами малиновой пыли.

Голоса преследователей слились в общий недоброжелательный гул.

— Брось птицу! — закричал Остап Паниковскому и, обернувшись к шоферу, добавил: — Малый ход.

Паниковский немедленно повиновался. Гусь недовольно поднялся с земли, почесался и как ни в чем не бывало пошел обратно в город.

— Влезайте, — предложил Остап. — Но больше не грешите, а то вырву руки с корнем.

Паниковский, перебирая ногами, ухватился за кузов, потом налег на борт животом, перевалился в машину, как купающийся в лодку, и, стуча манжетами, упал на дно.

— Полный ход! — скомандовал Остап, — заседание продолжается.

И «Антилопа» вырвалась в дикое поле, навстречу бочке с авиационным бензином. И эта бочка действительно ждала «Антилопу» на дороге, поскольку пассажиры ее, выдали себя за участников действительного автопробега, проходящего в это время по их пути.

Вот так познакомился великий комбинатор Остап Бендер с непревзойденным автомехаником Адамом Казимировичем Козлевичем, который стал затем его верным компаньоном-единомышленником. Этими же страницами повествования вы знакомитесь, уважаемый читатель, с Паниковским, гусекрадом, одним из названных сыновей лейтенанта Шмидта, который так же становится компаньоном великого комбинатора, и имя которого будет упоминаться и в дальнейшем повествовании этой книги.

Глава II. ПАССАЖИР БЕСПОСАДОЧНОГО ПЕРЕЛЕТА И ПЛАГИАТ

За несколько часов до того, как Бендер, нарушив границу, избежал уголовной ответственности, на дороге между Маковской и Беляевской совершила вынужденную посадку авиетка Р-1. Конструктором и летчиком ее был Рощин.

К воздухоплаванию Антона Яковлевича привело решение облетать весь мир. А так как с детства его влекло к технике, то он всей душой отдался конструированию летательных аппаратов. В клубе Осавиахима, где он состоял, его не очень почитали, несмотря на то, что он все время предлагал один проект за другим: планеров, авиеток и автожиров. Но комиссия по самолетостроению, видя, что все проекты сделаны без всякого расчета, на глаз, их отвергала один за другим.

После длительных раздумий самобытный конструктор – изобретатель Рощин Антон Яковлевич решил проектировать двухместную авиетку под английский мотор «Циррус». Но не только спроектировать, но и построить ее своими силами. Пришлось основательно заняться теорией авиации, расчетами и другими науками, имеющими отношение к самолетостроению. Рощин часто стал бывать на авиационном заводе, где и проводил о кладбище самолетов.

Это был овраг, наполненный разбитыми аэропланами. Машины, потерпевшие аварию, негодные к дальнейшему использованию, сбрасывались в овраг. За многие годы здесь накопились обломки сотен самолетов самых различных конструкций.

Антон Яковлевич с увлечением рылся в обломках машин, подбирая готовые детали для своей авиетки. Расчеты и составление чертежей заняли около года. И еще год сборка по ним авиетки собственной конструкции с яркими надписями на фюзеляже «Р-1».

Испытания прошли в поле за городом. Собралось много друзей, таких же энтузиастов, как и Антон Яковлевич, и любопытных из окраинных домов. Самолетик сверкал на солнце белой свежей лакировкой и вселял во всех уверенность, что полетит.

И он действительно после пробных пробежек по полю полетел. Сделал несколько кругов над полем и благополучно сел под поздравительные крики и аплодисменты присутствующих.

Все поздравляли Рощина, обнимали, жали руки, целовали.

– Ну, теперь ты, Антон, получишь деньги от государства и расплатишься с долгами, – сказал один из поздравителей.

Но не тут-то было. Денег Антону Яковлевичу никто не выделил, чтобы расплатиться с кредиторами, и он начал искать другие пути. Дал объявление:

«Самолет надежной конструкции Рощина Р-1 совершает прогулочные рейсы. Плата умеренная».

Но так как самолет был двухместный, то мог брать только одного пассажира. Это был большой минус для коммерческого предприятия. И все же на третий день выхода объявления к самолету подошла хмельная компания. Один из подошедших спросил:

– А безопасно летать?

– Я же летаю, – ответил Рощин. – Один круг над полем – десять рублей.

Компания зашепталась. До летчика донеслись слова обсуждения: «Кто первый, а?», «Не дорого ли?», «Не гробануться бы».

И впервые авиетка Р-1 приняла на свое заднее сиденье пассажира. Им был высокий блондин в тюбетейке. В этот день Рощин, обслужив компанию полетами, собрал пятьдесят рублей. Он воспрянул духом, поняв, что таким способом может заработать денег.

На следующий день пришла другая компания, а за ней и вчерашняя. Все почему-то пришли в конце дня и под хмельком. И в этот день Антон Яковлевич заработал целых сто рублей.

Но вечером дома Рощина ждал вызов в Комиссию по безопасному воздухоплаванию. И когда он на следующий день явился туда, от него строго-настрого потребовали прекратить полеты с пассажирами в целях безопасности. И взяли даже с него расписку о предупреждении. Дело приняло скверный оборот, и ему ничего не оставалось другого, как подчиниться, так как предупредили, что если он и впредь займется авиакатанием на своем самолете, то его авиетку конфискуют.

Не остался в стороне и финотдел, который сразу же после объявления попытался обложить частного авиапредпринимателя налогом.

Антон Яковлевич совсем упал духом, особенно из-за настойчивого требования кредиторов вернуть деньги. И он решился на отчаянную попытку совершить беспосадочный перелет Москва – Киев – Одесса, чтобы заинтересовать авиационное начальство на покупку его спортивного самолета.

Известил прессу, поставил в известность заинтересованных лиц и ранним утром стартовал со своего окраинного уже облетанного им поля.

В Освиахиме сказали: «Напрасно он это затеял. Если не разобьется, то сядет в лучшем случае в Подмосковье».

Но дяди-знатоки ошиблись. Рошин не разбился, не сел там, где они предсказывали, а благополучно приземлился в Киеве, где был очень тепло встречен представителями «Укрвоздухопуть» и Украинским советом Освиахима.

Его поздравляли, устроили праздничный обед, заправили авиетку первосортным бензином, и он полетел в Одессу, куда тоже прибыл благополучно.

Здесь встречен был не хуже, чем в Киеве. О его перелете зашумела пресса хвалебными статьями. Но, как говорится, после хорошего наступает плохое. Готовясь к вылету, Антон Яковлевич объявил теперь о беспосадочном перелете Одесса – Москва. И когда был уже готов лететь по объявленному маршруту, к нему со слезами на глазах обратился человек с кавказской внешностью.

– Дорогой, сколько возьмешь, чтобы я полетел с тобой в Москву? Очень скоро надо туда, дорогой. Брат помирает, понимаешь?

Антон Яковлевич подумал, а почему не взять. Все равно заднее место пустует. Да деньги надо. И он назвал сумму, которая и должна была погасить все его долги.

Вылетели рано утром и Рошин обратил внимание на чемодан пассажира, который тот с натугой водворил себе под ноги.

– Сколько же весит твой чемоданчик? – спросил летчик кавказца.

– Э-э, совсем пустяк, дорогой, совсем пустячный груз. Рука у меня болит, тебе и кажется, что он тяжелый, понимаешь?...

Антон Яковлевич немного подумал, но все же пассажиру не отказал лететь, решил испытать свой самолет с грузом.

Взлетели благополучно под крики провожающих одесситов и когда пилот, набрав высоту, лег на нужный ему курс, за его спиной послышался приказной крик пассажира:

– Меняй курс, дорогой, лети в Румынию. Заплачу в три раза больше, чем договаривались. Понимаешь?

– Э-э, нет, «дорогой», мы так не договаривались. В Москву, так в Москву, – не изменяя своего маршрута, ответил Рошин.

– Предупреждаю, дорогой, если не полетишь в Румынию... – и бандит коснулся острием кинжала затылка впереди сидящего летчика.

— Ах, вот ты как!? — возмутился Антон Яковлевич. И тут же начал делать такие виражи, горки, скольжения вниз, вверх, что пассажир вынужден был убрать свой и кинжал и уцепиться обеими руками за борта фюзеляжа, чтобы не вывалиться из авиетки.

Оглянувшись, Рошин увидел белое, как мел, лицо пассажира, выпученные глаза, судорожно вцепившиеся в обшивку самолета руки, и рассмеялся. Но его смех тут же был прерван чиханьем мотора, треском и, наконец, затихающими поворотами пропеллера. Самолет пошел на снижение, несмотря на все попытки летчика возобновить работу мотора.

Рощину оставалось только одно: выбрать место для вынужденной посадки авиетки. Увидев дорогу, он плавно спланировал и благополучно посадил самолет.

Вооружившись большим гаечным ключом, он выскоцил из своей кабины, готовый отразить нападение бандита.

Но тот был ни жив, ни мертв от виражей и болтанки самолета. Промямлил:

— Хорошо, хорошо, дорогой... Я сейчас ухожу... ухожу... Я тебя не знаю, ты меня не знаешь... и ты меня не видел, понимаешь...

— Тащи свой чемодан и проваливай, паразит, недобиток капитала, — держа оборонительную позу, сказал летчик.

Пассажир кавказской внешности с трудом вывалил свой чемодан и себя из самолета и, поминутно сплевывая, побрел, шатаясь, от авиетки по дороге.

Подождав, когда тот скроется из виду, Антон Яковлевич начал выяснять причину остановки мотора. Оказалось, из среднего бака исчез бензин, а в крайних бензина осталось на донышках. Горючее из них даже не поступало в карбюратор.

«Неужели баки текут? — подумал летчик, — но разве сейчас это выяснишь? Надо искать в ближайшем селе горючее, залить баки и добираться до ближайшего города. Или вернуться в Одессу, — решил он. — Очевидно, из-за моих виражей, горок, скольжений вверх, вниз, бензин и высосало, как это уже было с какой-то авиеткой» — вспомнил он. — Но, так или иначе... Самолет оставлять нельзя. Может возвратиться бандит и учинить диверсию... Надо принимать какое-то решение...»

В таком раздумье Антон Яковлевич похаживал вокруг своей машины, с недовольством посматривая на солнце, которое уже шло не от горизонта, а к нему. Рошин ясно понимал, что обратный перелет не удался, что дяди из центрального Осовиахима теперь не поверят в его авиетку. Он так был погружен в свои печальные мысли-размышления, что даже не заметил молодого человека, уже несколько минут любовавшегося его самолетом.

— Вот это лошадка, — сказал наконец тот, — отличное средство передвижения по воздуху.

— Иди своей дорогой, парень, — скучно сказал летчик.

— Я и шел своей дорогой, гражданин воздухоплаватель. Что, птица потребовала ремонта?

— Бензина...

— А-а, всегда нужно то, чего у меня нет, товарищ летчик.

— Я так и понимаю, — с досадой громко произнес Рошин. — Покатаю, если поможешь достать горючее.

— Где же его тут возьмешь, — оглядел пустынную дорогу и поле Остап. — Впрочем... А ну-ка, взгляните на карту, какое село поблизости?...

Рошин развернул карту всмотрелся и ответил:

— Маковская сюда, а Беляевская в противоположную сторону.

— А куда ближе, товарищ летчик? — обернулся Бендер, увидев подъезжающую телегу с мужиком. — Папаша, где бензина можно достать? — подскочил к возчику Остап.

— Садись, за бензин не ручаюсь, а вот керосин у нашего сельторга определенно найдется.

— Нет, керосин не пойдет, — покачал головой летчик. Он снял очки со шлема и сунул их с досадой в карман комбинезона.

— А может, бензин у трактористов есть... — почесал затылок возчик.

— А может, папаша, возьмешь на буксир этот легонький, почти воздушный транспорт, а? — просительно заглянул в лицо ему Бендер.

— Помочь вашему горю, оно, конечно, можно, — соскочил с пароконки хозяин. — Как цеплять, показуйте.

Вскоре кортеж из пароконной телеги с привязанной к ней авиеткой катился по уже подмерзшей дороге. За ним шли Рощин и Бендер.

Антона Яковлевича, видевшего заботу участливого попутчика, томило желание поделиться с ним. И он поведал Бендеру все, что с ним произошло.

Остап, выслушав рассказ пилота, посетовал мысленно: «Эх, вот как надо было... Подрядить в Одесском авиаклубе вот такую воздушную лошадку и адье.» — И тяжело вздохнув, произнес:

— Москва — Киев — Одесса вначале, а этот... Одесса — Москва?

— Был... — и тяжело вздохнув, Антон Яковлевич печально промолвил: — Обратный перелет, как понимаете, не получился.

— Как это не получился, как это не получился? — горячо запротестовал Остап. — Может быть, я в свидетели пойду, ваш героизм подтверждать буду. Тогда все это и зачтется.

— Дело в том, что мой полет не официальный и надеяться на помошь...

— Ха, сделаем его не только официальным, но и ударным, Антон Яковлевич, — заверил убежденно летчика Бендер.

— Да, но как лететь? Где взять бензин? — с тоской в голосе промолвил Рощин.

Остап помедлил, подержавшись за хвостовой элерон авиетки, и сказал:

— Ваше упадническое настроение оттого, что вы не оптимист. Вы темными очками смотрите на то, что с вами произошло. Вы летчик, у вас есть самолет, вы знаете, куда лететь. У меня дела похуже — у меня самолета нет. И я не знаю, куда ехать. Найдем бензин, возьмете меня?

— Возьму, товарищ Бендер, — кивнул Рощин.

Они уже познакомились и называли друг друга как давнишние друзья.

— В таком случае все в порядке. Я хочу вам сообщить, что в способах доставания того, что нам нужно, у меня недостатка не будет. Вам нужен только авиационный бензин?

— В крайнем случае, можно и обычным заправить, — промолвил Рощин, с надеждой взглянув на Остапа. Слушая уверенный голос попутчика, настроение летчика уже было не таким гнетущим.

— Не будет авиационного, добудем и другой. Если не там, куда тянем воздушную лошадку, то наверняка в других близлежащих местах. Но для этого мне нужен летный комбинезон, шлем и очки.

— У меня есть рабочая спецовка, она, думаю, вам подойдет, товарищ Бендер.

Через полтора часа буксируемая пароконной телегой авиетка въехала в село и подкатила к сельсовету с красным флагом у входа.

Еще большая надежда засветилась в глазах Рощина, когда он увидел, как его попутчик решительно рванул дверь обители местной власти и смело вошел туда.

До этого при въезде в село, Остап натянул на себя комбинезон, шлем, очки, которые сдвинул на лоб и теперь вполне походил на летчика.

— Вам кого? — спросил Бендера человек я телогрейке и сапогах. Он сидел у двери комнаты, из которой доносился голос:

— А теперь, о постановлении, товарищи...

— Там партийное совещание, нельзя, — хотел преградить Остапу дорогу сельсоветский страж.

Но Бендер легонько отстранил его в сторону и просунул голову в дверную щель. — Извините, я по срочному... — и вошел в густо накуренную комнату заседающих.

Более десятка человек повернули головы к Остапу.

– Да, но... – хотел было возразить ведущий, но Бендер не дал ему договорить.

– Надеюсь, вы все читали о нашем беспосадочном перелете Москва – Одесса – Москва, товарищи?

Председатель, большеглазый человек в гимнастерке и галифе такого же цвета, с дымящейся самокруткой в руке, взирал на вошедшего и неуверенно ответил:

– Конечно... товарищ... – и посмотрел на сидящих, как бы ища у них подтверждения.

– Это хорошо, что вы живете в ногу с нашим всепобеждающим временем, товарищи.

Бендер понял, что ни о каком беспосадочном перелете ни председательствующий, ни участники партсобрания не читали и не могли читать, так как о самодеятельном полете Рошина в газетах союзного значения не писали. А если в какой-нибудь местной кратко и сообщили, то эта газета сюда не дошла и дойти не могла.

– Это очень хорошо, товарищи, – повторил убедительно Остап, – когда вся страна расправляет могучие крылья...

– Да вот... – повел председательствующий махорочной рукой на сидящих. – Прорабатываем... Известное дело...

– Вот-вот, и мы, летчики, своим беспосадочным перелетом... – сделал паузу Бендер, подыскивая нужное слово, бьющее не в бровь, а в глаз своим политическим весом, – продолжил с повтором:

– Расправляем могучие крылья для ударного построения социализма не только в нашей стране, но и во всем мире, товарищи, – с пафосом провозгласил он.

Сперва члены партсобрания с недовольством смотрели на непрошеного гостя, прервавшего привычное течение важного собрания, но прослушав последнюю фразу человека в одении летчика, уже с нескрываемым уважением смотрели на него. А «летчик», поправив очки на шлемном лбу, не скрутился на крылатые слова. Он развернулся перед собравшимися удивительное будущее, раскрашивая его словами: «мировая революция», «социализм», «заря коммунизма». После такого вступления он закончил: – А сейчас, товариши, прошу оказать летчикам помочь... – подошел он к окну. – Взгляните, и вы увидите, что крылья нашего беспосадочного перелета в бензинном голоде. Снабдите бензином, дорогие товарищи, и мы снова взмоем в небо и этим самым нанесем сокрушительный удар по злорадству капитала над нашей вынужденной посадкой.

– Надо помочь, раздался авторитетный голос председательствующего. Все повскакивали со своих мест и сгрудились у окон.

На улице был уже поздний вечер. Залитая лунным светом авиетка отливалась серебром своих крыльев и фюзеляжа. У самолета похаживал беспокойно Рошин, ожидая Бендера, и отговаривая любопытную детвору, невесть откуда узнавшую о самолете и сбежавшую со всех концов села, чтобы поглазеть на диковинную птицу.

После слов председателя: «надо помочь», все вдруг зашумели, засыпали Остапа вопросами:

– Какой нужен бензин?

– Сколько?

– А керосин не подойдет?

– Когда сможете полететь? Мотор в порядке?

«Летчик» только успевал отвечать на сыпавшиеся со всех сторон вопросы. А когда ответил, собрание перешло к обсуждению проблемы – где взять авиационный бензин. Такого у них не было.

– Да хотя бы обычновенный, товарищи, – пояснил Остап.

– Пятько, запрягай коней и к соседям. У них должен быть такой, – распорядился главный. – А за это мы им семенной отсыпим, они в нужде. Сейчас напишу...

Посылаемый схватил бумажку из рук председателя, которую тот прилепнул печатью, и выбежал из комнаты.

— А сейчас, дорогой летчик, поужинаете, переночуете, а утром и полетите, — сказал затем председатель.

— О помощи, которую вы нам оказываете, узнает вся страна, дорогие товарищи, — растро-генно проговорил Бендер и с чувством воскликнул: О вашем участии в беспосадочном пере-лете напечатают все газеты! — поправил очки, сползшие на глаза.

На ночлег летчики остановились в доме председателя сельсовета. После плотного ужина, за которым Остап блистал своим красноречием, а Рощин помалкивал, чтобы не внести сумя-тицу, улеглись на мягкие постели в отведенной им комнате. А в это время их авиаetка охраня-лась сторожем, срочно отзваным от свинарника на более ответственный пост.

Утром у самолета собралось почти все население села.

Рощин и его «командир» беспосадочного перелета — Остап Бендер, так как местные вла-сти именно его считали главным, наполнили все баки, хотя и не авиационным, но бензином. Захватили сверток еды на дорогу, и под крики «урра» вырулили на более широкую полосу дороги.

Остап сидел в самолете первый раз в жизни и был весь захвачен предстоящим полетом.

— Антон! — закричал он, покрывая тарахтенье мотора. — На этом горючем взлетим?

— Попробуем, — ответил Рощин, увеличивая обороты, когда авиаetка заняла место для старта.

Летчик дал полный газ и самолет, мягко прыгая по неровностям дороги, оторвался от земли и стал плавно набирать высоту. Мотор ревел, пропеллер бросал в лицо клочья холодного воздуха, врезался в утреннее небо.

Остап посмотрел вниз и увидел, как провожающие махали им руками. Авиетка развер-нулась и легла на нужный курс, продолжая набирать высоту.

Великий комбинатор испытывал сильное чувство восторга от первого в его жизни полета. Он во все глаза рассматривал медленно плывущую под ним местность.

Уменьшенные крыши домов селения остались давно позади. Внизу змейей зачернел товари-ный поезд. Казалось, что он стоит на месте, и только по стелющимся за ним белому дыму видно, что он движется.

Все шло хорошо. Погода была отличная. Мотор работал идеально, жужжал, как швейная машинка «Зингер». Солнечные лучи отражались от лаковых крыльев и слепили Бендеру глаза.

Любясь проплывающей под ним panorамой местности, Остап запел, поддавшись незна-комому ему еще до этого внутреннему восхитительному ощущению полета над землей.

Авиетка уже подлетала к какому-то большому селению, когда путь ей преградила силь-ная облачность. Через несколько минут она уже купалась в облаках. Чтобы не потерять землю, Рощин спустился ниже — под облачную преграду. Но и здесь накрапывал дождик. И чем дальше, облака были все ниже и ниже.

Бендер вдруг почувствовал крутой вираж и вопросительно посмотрел на обернувшегося к нему Роцина. Тот разочарованно закачал головой: ничего, мол, не поделаешь, надо опус-каться к самой земле.

Полетели так низко, что стадо овец на пути в испуге разбежалось, а люди с удивленно задранными головами смотрели самолету вслед. Скорость авиаetки на большой высоте неза-метная, теперь чувствовалась основательно. Мелькали дома, деревья, поля...

Началась сильная болтанка. Самолет кидало во все стороны так, что Остапа даже под-бррасывало с сиденья.

— Антон! — прокричал, потянувшись к летчику, Бендер, — нельзя ли потише?

— Воздушные ямы, ничего не поделаешь, — чуть обернувшись, тоже криком ответил тот. Остап не на шутку побаивался, как бы не развалилась их машина, снова прокричал:

– Не развалится наш воздушный конек?

– Не-ет, товарищ Бендер, он испытан и готов к такой болтанке. Скоро Умань, – взглянул летчик на карту у него на коленях.

Недалеко от города мотор, работавший так четко, вдруг забарахлил: дождевые капли попали в карбюратор, да и бензин был низкой очистки. Рощин попытался дать полный газ, но эта попытка не прососала воду и мотор затих.

– Садимся! – сказал он, не оборачиваясь, и начал высматривать ровное место для посадки.

Но такого места летчик не находил. Положение создавалось весьма критическое: кругом кустарники, деревья, холмы, а дальше постройки, дома.

Видя, что машина планирует на снижение, но не на ровное и свободное место, Бендер ясно ощутил угрозу разбиться.

– Антон! – прокричал он, хотя не было уже надобности кричать, мотор молчал. – Нет места?

– Дотянем, сядем на окраинную улицу города, – хладнокровно ответил находчивый летчик.

Это не совсем успокоило Остапа, он весь сжался, собрался к удару авиетки о какое-нибудь препятствие и, расширив глаза, ждал опасного приземления.

И оно наступило. Самолет, хотя и искусно пилотируемый умелыми руками Роцина, вначале мягко коснулся своими колесами уличной дороги, подпрыгнул, снова готов был чиркнуть колесами по земле и понестись уже по ней, теряя скорость, но… Вдруг нырнул колесами в глубокую рытвину и, сделав вынужденный рывок влево, самолет ударился крылом о телеграфный столб. Крыло смялось и отлетело от фюзеляжа.

Удар выбросил Остапа за борт авиетки. Больно ударившись о землю, он лежал с мыслью: «жив ли?».

Рощин тоже вывалился из машины, но тут же поднялся на ноги и, шатаясь, сделал шаг к своему детищу. Перед ним была половина авиетки. Крыла не было, шасси сломано, пропеллер хотя и был цел, но безжизненно замер на оси сдвинутого в сторону мотора. Помятая плоскость с элеронами съехала в канаву и лежала рядом с Бендером.

Теперь летчик окончательно понял, что его беспосадочный перелет бесповоротно на этот раз закончен. Авиетка Р-1 потребует основательного и длительного ремонта. Рощин сел на землю и готов был заплакать. Бендер тронул его за плечо и сказал ободряющим голосом:

– Антон, местный Осовиахим нам поможет.

Летчик встал и, взглянув на свое аварийное творение, медленно опустился снова на землю.

– Не унывай, Антон, я сейчас пойду и свяжусь с местными властями, – заверил Остап. – А вы охраняйте авиетку…

Вокруг самолета, потерпевшего аварию, начали собираться местные жители, сочувствуя и вздыхая. А детвора уже трогала и пыталась повреждать хвостовые элероны.

– Ничего страшного нет, – продолжал успокаивать Бендер пилота. – У вас еще много будет знаменитых перелетов, Антон Яковлевич…

Рощин крепко пожал руку Остапу, хотя он чувствовал себя жокеем, до смерти загнавшим свою любимую лошадь на скачках. Ему казалось, что теперь в Москве его не будут считать не только авиаконструктором, но и летчиком.

После аварии радужное настроение и у Бендера померкло. Но он, еще раз заверив Роцина о своей помощи, подсел на попутную телегу с бочками и отправился в центр города.

В редакции местной газеты «Уманськи висти», помещавшейся на первом этаже Дома культуры города, деловито подбирали материал к сдаче в набор. Особенно старательно и ответственно этим занимался редактор Сочник, готовя передовицу к печати.

В разгар работы быстро вошел репортер Коляда. За ним шагнул в комнату человек в комбинезоне, шлеме, с очками, сдвинутыми на лоб. С приходом его в комнате распространился запах бензина и масла.

– Внимание, Николай Устинович, – сказал Коляда, – к нам летчик по очень интересному делу. Товарищ вам объяснит, – и скромно отошел в сторону.

– Летчик беспосадочного перелета Москва – Одесса – Москва Бендер и авиаконструктор Рошин, он у самолета… Мы аварийно сели у вас, товарищи, нужна помощь…

– Беспосадочного перелета?! Почему не знаем? – недоуменно уставился редактор на репортера, а затем на Бендера.

– Значит, прокол в вашей работе, – осуждающе покачал головой Остап. – Все газеты.

– Хорошо, хорошо, товарищ, где *вы* сели? – заволновался редактор.

На окраинной улице города, товарищи.

– Едем, немедленно едем, Коляда… – крутнул ручку телефонного аппарата редактор и схватил трубку. – Семен, оставь место для экстренного сообщения. – И бросив трубку на рычаги, повторил: – Едем, едем, товарищи, – устремляясь к двери.

– Да, но не к самолету вначале, а в Освиахим, товарищи, – предупредил газетчиков Бендер, идя впереди.

Вскоре к месту аварийной посадки авиетки Р-1 подкатил автомобиль неизвестной марки. В свежевыкрашенной машине, собранной освиахимовскими автолюбителями из «паккарда», «форда» и других машин, восседали председатель городского Освиахима, газетчики Сочник, Коляда и «летчик» Остап Бендер.

Возле самолета в шумном окружении детворы и жителей с ближайших, домов, скучно похаживал Антон Яковлевич. Остап представил его и как летчика беспосадочного перелета, и как конструктора самолета.

Осмотрев авиетку, председатель сказал:

– Да, товарищи летчики, у нас нет возможности отремонтировать ваш самолет. Чем можем помочь, так это отправить вас с машиной по железной дороге в Москву.

– Или же в Киев, – подсказал руководитель освиахимовской секцией помощи авиации. Он с двумя другими авиаторами-любителями подкатил вслед за машиной на конной пролетке.

– Или в Киев, – согласился председатель.

– Там сейчас автожиры начали выпускать, – заявил авторитетно авиатор-любитель, заглядывая во внутрь фюзеляжа авиетки.

– Нет, товарищи, – грустно покачал головой Рошин. – Уж если отправлять, за что я буду вам очень благодарен, так лучше в Москву. Там у меня мастерская, запчасти, опытные помощники…

– Понятно, так и договорились. А с нашими любителями-авиаторами можете приступить к разборке и упаковке вашего самолета, и, заканчивая свое начальствующее определение, председатель добавил: – Ну, а поскольку сейчас уже вечер, то отбуксируем ваш самолет в наш двор, определим вас на постой, товарищи, снабдим талонами на питание.

– Спасибо, большое вам спасибо, – рассыпался в словах благодарности Рошин, а за ним и Бендер.

Был уже поздний вечер, когда авиетку Р-1 конная упряжка втащила во двор районного Освиахима. Здесь она была уже под охраной местных энтузиастов. На следующий день ей предстояло быть разобранной, упакованной и со своим конструктором отправиться в Москву.

Рошин и примкнувший к нему Остап, ставший за это время чуть ли не возглавителем беспосадочного перелета, были определены в городскую гостиницу и наделены талонами в общепитовскую столовую.

За ужином Остап говорил:

— Антон, видите, все улаживается не таким уж скверным образом. Завтра вы будете читать в газете свое интервью о вашем беспосадочном перелете. Ваша машина будет упакована и вы с ней отправитесь домой. Что же касается меня, то я перед дилеммой: ехать с вами или не ехать.

— Решайте, мы уже подружились и мне будет скучно без вас, — улыбнулся за все последнее время летчик первый раз. — Вместе с вами мы займемся ремонтом авиетки, будем конструировать новую модель. Вы станете членом нашего Освиахима. Решайте, дорогой Остап.

— Да-а... — протянул Бендер и перед его глазами пронеслись его прошлые московские деяния.

Вспомнил он студенческое общежитие монаха Бертольда Шварца, Кису Воробьянинова, покусившегося на его жизнь, погоню за стульями, последнюю встречу с Шурой Балагановым на Рязанском вокзале и много-много другого. Все эти картины, как отрывочные кинокадры из разных фильмов, склеенные в одну ленту, пронеслись перед его глазами. Он тихо промолвил:

— Я подумаю, подумаю, Антон...

Эту ночь они спали крепким сном на чистых и мягких постелях. А утром, после чая с пирожками в гостиничном буфете, устремились ко двору Освиахима.

Здесь их уже ждала целая группа освиахимовских любителей авиационного дела, готовые по указанию летчика приступить к разборке и упаковке ставшей уже знаменитой в их глазах авиетки Р-1.

Остап с интересом наблюдал за всей этой суетой, за указаниями Рощина и участия в работе не принимал. Рабочих рук было предостаточно и даже с избытком.

Бендер хотел закурить, отойдя в сторону, но тут раздался голос Рощина:

— Остап Ибрагимович, тут ваш сверток одежды. Возьмите, а то он так и отправится без вас в Москву, поскольку вы не решили ехать со мной, — с сожалением в глазах смотрел летчик на своего необычного друга.

— Ах, да, — спохватился Остап. — Если бы вы знали, что это за вещи, дорогой Антон, кому они еще недавно принадлежали...

— Скажите, — вопросительно покрутил тот сверток.

— Как-нибудь в другой раз, Антон, — ответил Бендер. И начал снимать комбинезон летчика.

Глядя на его переодевание, Рощин сказал:

— Ну, комбинезон, пожалуй, я возьму, много предстоит мастеровой работы, а шлем я вам дарю. На память о нашем полете, — с добрым чувством улыбнулся летчик неожиданному своему пассажиру, который оказал ему так много помощи в его необычайных приключениях.

— Спасибо. Взамен я вам дарю вот эту армейскую фуражку. Она, правда, без козырька, но пусть напоминает вам обо мне, дорогой Антон. А это я вам возвращаю, — протянул он летчику очки, которые и сейчас украшали его голову в шлеме.

— Возьму, они вам без надобности. Что ж, будем прощаться, дорогой Остап?

— Ну, нет! Упаковывайте, я провожать вас еще буду. Да и вечером встретимся в гостинице, Антон, — помахал рукой Бендер.

— Прекрасно, друг, — ответил тоже взмахом руки летчик и вернулся к своим помощникам.

Бендер одел толстовку Козлевича, завернул в обрывок газеты свой единственный сапог, с которым он по какой-то необъяснимой причине никак не мог расстаться, и вышел со двора местного Освиахима на улицу.

Солнце висело над домами. Ветер морщиныл лужи после ночного дождя. Во дворах весеннему орали петухи и волновались куры. Сквозь щели дощатого тротуара хлюпала грязь. По голой мостовой грохотали подводы с рогожевыми кулями. Воробы слетались к навозу. На углу Софиевской и Общепитовской кричали торговки пирожками и семечками. Обхватив

столб с обрывком объявления: «Лечу половые болезни...», вдребезги пьяный банщик Афанасий разгульно выкрикивал что-то нечленораздельное.

– Сигуранца проклятая, конечно, это не Рио-де-Жанейро, – с сердечным вздохом проговорил вслух обладатель ордена Золотого Руна, смахивая брызнувшие капли грязи на его бутылочные края.

«А может, действительно, поехать с Роциным в Москву и стать авиаконструктором – летчиком? – усмехнулся Остап. – Нет, это заботы, это работа, у меня нет никакой тяги к авиастроению. Вот Адама Козлевича туда, это да. Он был бы славным помощником Антону Яковлевичу. А я человек свободный, как горный орел. В моей голове, несмотря на крушение, по-прежнему сидит хрустальная мечта моей юности. Теперь я не сделаю уже такого глупого перехода через границу к румынским боярам, сигуранца проклятая», – не проговорил последние слова, а зло прошипел обворованный потомок янычаров.

– Уу-х, – проскрипел он зубами и пристукнул кулаком по ладони другой руки, чуть, было, не выронив свой газетный сверток.

Остап вышел на проспект Ленина и остановился как вкопанный. Перед ним, ударяя броским шрифтом по глазам, на тумбе висела красочная афиша:

**«С 3 по 15 апреля с.г., в клубе работников
гужевого транспорта ставится спектакль «ШЕЯ».**

Народная трагедия в 3-х актах Р. Глухомлина.

Вход 50 коп.

Начало в 6 часов вечера.

В буфете чай, пирожные, кефир и пиво.

Дирекция»

– Глухой! – радостно засмеялся Остап, как человек нашедший вдруг свою потерянную ценность, – С моей «Шеей»! Ну плагиатор! – мстительно прокричал потомок янычаров.

Здесь надо пояснить, почему эта афиша вызвала у великого комбинатора такие эмоциональные слова.

После краха конторы «Рога и копыта» Бендер оказался в безденежном состоянии. Проехав мимо I-й Черноморской кинофабрики у него родилась мысль написать киносценарий для многометражного фильма.

Живя на постоялом дворе, Остап при свете керосиновой коптилки за ночь написал киносценарий под названием «Шея». Утром понес его на фабрику. Пробившись сквозь ералаш, царящий там, Бендер предложил свой сценарий.

– Какой? – спросили его.

– Хороший! – убедительно ответил Остап.

– Для кино немого или звукового?

– Немого.

– Не надо!

– Как не надо!

– Немого кино уже нет. Обратитесь к звуковикам.

Звуковики тоже ответили отказом, так как звукового кино еще нет.

– Да как же так?! – потряс листами своего творения Остап.

– Да так. Немое кино уже не снималось, а звуковое еще только организовывалось с неполадками в связи с переходом от немого к звуковому кино. И тут до сочинителя скороспелого сценария дошел слух, что в какой-то комнате сидит человек и срочно творит звуковое кино. Остап бросился к нему. Новатор звукового кино оказался глухим. Криком Бендер заявил о своем сценарии.

– Прекрасно! – сказал глухой. – Мы сейчас же втянем вас в работу.

– А как насчет аванса?! – прокричал Остап.

– «Шея» – это то, что нам нужно. Посидите здесь, я сейчас вернусь, и со сценарием в руке глухой скрылся за дверью.

Прождав около двух часов, Остап вышел из комнаты и узнал, что глухой звуковик уже давно уехал и не вернется, так как его срочно перебросили в Умань для ведения культработы среди ломовых извозчиков. Это рассмешило бы Бендера, а сейчас ужаснуло, так как глухой увез его сценарий многометражного фильма «Шея».

Клуб работников гужевого транспорта находился в бывшем фурожном складе. Над массивной дверью, оббитой жестью, висел транспарант:

«Гужевики! Смело в культуру!»

Остап бесстрашно шагнул под тяжелые своды извозчичьего храма Мельпомены и осмотрелся.

Сквозь высокие и узенькие окна падали скучные пятна света на нестройные ряды скамеек, стульев и табуреток. Низкая сцена была прикрыта занавесью с намалеванными на ней двумя хомутами, оплетенными *конскими* сбруями. Через разбитые стекла окон слышался птичий щебет. За стеной рыдала скрипка. Пахло дегтем, овсом и мышами.

– И ходют тут, и ходют. И чого? Вже и касса биля самого входу, – заворочался недовольно тулуп, лежащий на трех табуретках.

– Мне Глухомлинов, о, как нужен, папаша, – провел рукой у шеи Остап, наклонившись над тулупом.

– Глухой? Сам дирехтор? Так його и немае ще... Ага, чекай, – приподнялся старик, – ось вин идэ...

Сердце у Бендера радостно забилось, когда в просвете широких дверей он увидел глухого с портфелем.

– До вас! – выпалил в ухо глухому сторож, тыча рукой в Остапа.

– Я насчет плагиата! – заорал Бендер. – Узнаете?!

Глухой, не узнавая еще Бендера, блеснул золотыми пенсне и согласно кивнул бедуинской бородкой:

– Пожалуйста, прошу ко мне. Мы сейчас втянем вас в работу... Нам нужны свежие силы...

– Я насчет плагиата! Узнаете?! – еще громче закричал Остап, грозно продвигаясь к глухому.

Бородка взметнулась кверху, стекла пенсне уставились на Остапа, рука судорожно закачала портфель. Глухомлинов узнал автора «Шеи»...

Дальше разговор шел в директорском кабинете – весовой, обклеенной афишами с лошадиными мордами.

– Таких, как вы, я бы давил столбом весом в двести четырнадцать кило. Но вас я давить не буду. Я человеколюб, я психиатр и пока свято чту уголовный кодекс, – расхаживал Бендер шагом судьи вокруг своей жертвы.

Глухомлинов безропотно сидел на краю стула и, понурив голову, сжимал руками портфель, как напроказавший школьник.

– Безобразие! До чего дошло. Я в суд подам! У меня свидетель есть – товарищ Супругов с первой Черноморской кинофабрики! Супру-гов! – хрюплю по слогам прокричал Остап на ухо постановщику лошадиной сцены.

При слове «Супругов» Глухомлинов приподнял голову и, трусливо озирнувшись, произнес:

– Да... Но... Может, отступного? У меня дети...

– У всех дети. Сколько? – прокричал строго Бендер.

– Мальчик и девочка, – стыдливо зарделся неудачливый начинатель звукового кино.

– Я спрашиваю, отступного сколько? – пустил петуха в голосе Остап.

– Двести, – пробормотал глухой.

– Что?! Обокрали! Лишили славы и денег! И после всего предлагаете всего двести?! – напирал Бендер на директора клуба ломовых извозчиков. – Никогда!

– Триста! – выдохнул несчастный звуковик, совсем подавленный вескими доводами истца.

– Ага, триста! Тогда вам придется купить и это, – победоносно развернулся свой газетный сверток Остап.

На стол бухнулся перепачканный глиной сапог.

– Для реквизита вашего лошадиного клуба, – уточнил Бендер. – Этот сапог еще совсем недавно принадлежал, знаете кому? – придинулся Остап к глухому и таинственно в его ухо прошептал: – Самому графу Монте-Кристо! Графу, жестоко убитому румынскими боярами и выброшенному с высокого берега Днестра. И место ему не на вашей лошадиной и мамалыжной сцене, а в столичном музее для обозрения потомками, – гордо вскинулся голову Бендер. – Но я великодушен. Я всегда любил фэтоны и поэтому уступаю его вашему конячному клубу всего за сто целковых, – сунул он «графский» сапог в руки глухого.

Глухомлинов не все слова рассышал из страстной речи Остапа, но ясно понял, что от покупки этого сапога ему не отвертеться.

Когда Бендер выходил из кабинета директора культуры уманских извозчиков, унося в кармане четыреста рублей – месячную выручку работы клуба – тулуп сторожа на трех табуретках был неподвижен.

– Папаша, – нагнулся к нему Остап.

– И ходют тут, и ходют. И чого... А-а, – узнал Бендера верный страж лошадиного клуба.

– А директор у тебя, во! – поднял большой палец Остап. – Одним словом, папаша, ешь ананасы, рябчиков жуй! – хлопнул по тулупу рукой Бендер.

– Чого, чого? – приподнялся «папаша».

Но в ответ донеслось:

– О, баядерка, ти-ри-рим, ти-ри-ра...

– Чудно, тай и годи... – улегся тулуп снова на табуретки.

В клуб ломовиков сходились на репетицию участники спектакля «Шея».

Глава III. ПЕРЕД ДИЛЕММОЙ: КАК БЫТЬ?

На следующий день Остап провожал Рощина на вокзале. Разобранный и упакованный в ящики и брезентовую обшивку самолет был погружен в багажный пульман для транспортировки в Москву.

Перед расставанием друзья выпили в вокзальном буфете и сидели друг против друга в молчании.

— Знаете, Антон, — сказал наконец Бендер, — я все же не поеду. Вы не обижайтесь, но это занятие не по мне. Я не знаю еще, куда поеду, не знаю, куда нужно ехать, но в Москву меня не тянет.

— Как хотите, — качнул головой летчик.

— Да, я не еду... — повторил Остап.

— Что же вы будете делать? Как я понимаю...

— А что тут понимать, Антон. Предприму какое-нибудь дело для осуществления моей голубой мечты юности...

— Извините меня за интерес, дорогой Остап, что это за мечта? — потянулся через стол к Бендеру летчик.

— Как-нибудь в другой раз, Антон, — отвернулся Остап.

Он очень уважал авиаконструктора-летчика Рощина, но сейчас не хотел говорить об этом.

Ударил станционный колокол.

Вошедший в зал вокзала железнодорожник объявил о скором отходе поезда. Друзья встали и вышли на перрон.

Если будете в Москве, Остап, то прошу ко мне, буду очень рад, — протянул Рощин величанию мечтателю бумажку с адресом.

Бендер взял, растроганно посмотрел на написанное, начал что-то говорить благодарное, но длинный гудок паровоза заглушил его слова.

Он притянул к себе Рощина, расцеловал его и подтолкнул летчика к поезду, вагоны которого уже загремели своими тарелочными буферами и сцепками.

Рощин вспрыгнул на подножку движущегося вагона и прощально замахал рукой. Остап медленно пошел за поездом, делая взаимные жесты прощания.

Вечером Остапа терзали сомнения: правильно ли он сделал, что не поехал с летчиком? Не сделал ли он ошибку, отказавшись от многообещающего предложения Рощина?

Лежа в гостиничной постели, он обдумывал мысленно дальнейшие свои шаги в жизни. «Продать орден Золотого Руна? И на эти деньги пожить в свое удовольствие... Испытал уже такое удовольствие на миллион. Никакого душевного удовлетворения, никакого ожидаемого эффекта. Нет. Пожить, а что потом? Где путь к осуществлению моей хрустальной мечты? Открыть какое-нибудь торговко-промышленное дело? Нет, — покачал головой он. — Финорганы задавят, вынудят меня иметь еще один конфликт с властями. Ни за что! Да и связывать себя служебными обязанностями... Достаточно уже бывшей конторы «Рога и копыта», — усмехнулся он. — Множество отпадает. Распространять гениально задуманные, но еще не написанные, картины? Все эти варианты пахнут уголовщиной. А после ареста на границе, я должен еще больше почитать уголовный кодекс. Иначе... иначе прощай свобода и здравствуй Беломорканал».

Не буду этого делать! — произнес Остап вслух.

Повернув голову, он заметил, что его сосед по номеру, поселившийся вместо уехавшего Рощина, уже давно вслух читает газету. Оказывается, тот был захвачен сообщением и решил поделиться с Бендером.

– Нет, вы только послушайте... «Древнерусские клады, обнаруженные на территории Киева, составляют почти треть от общего количества кладов, найденных в Киевской Руси! Преобладающее большинство Киевских кладов было спрятано во время осады города ордами хана Батыя в 1240 году. Предметы датируются концом двенадцатого – началом тринадцатого веков. В состав Киевских кладов входят монеты, чаще арабские дирхемы, серебряные гривны, но преобладают в них золотые и серебряные украшения: диадемы, колты, сережки, шейные гривны, ожерелья, браслеты, перстни и прочее... Некоторые содержали сотни и тысячи монет и драгоценных украшений. В кладе, найденном в усадьбе № 15, содержалось 2930 золотых дирхемов и 6 золотых браслетов... В кладе, найденном в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря... было около 40 серебряных украшений... Самый богатый клад был найден в усадьбе Десятинной церкви...» Представляете?

– Интересно, конечно, – согласился Остап. – Что это за газеты?

– «Пролетарская правда», сосед. У меня тут есть и другие, хотите? – протянул несколько газет новый постоялец.

– Благодарю, – взял газеты Остап и начал тоже просматривать. – Так вы из Киева? – спросил затем он.

– Да, в командировке. Из Киева, – повторил сосед. – «Ах, этот Киев! Чудесный город, весь похожий на сдобную славную попадью с масляными глазами и красным ртом. Особенно весной, когда цветут каштаны...»

– Вы писатель?

– Нет, эти слова написал известный писатель Куприн. А я здесь от Киевского общества естествоиспытателей, товарищ.

– И чем же занимается это общество?

– Изучением природных богатств Украины, флоры, фауны Черного, Азовского и Каспийского морей. Сейчас нас интересует здешний Софиевский дендрарий... – встал командинровочный, одевая шлепанцы, – Пойду, может буфет еще работает... Не хотите за компанию?

– Нет, благодарю, я ужинал. Почитал газеты, – ответил Остап.

Когда естествоиспытатель вышел, Бендер взял «Пролетарскую правду» и внимательно прочел о Киевских кладах.

Утром Остап, идя по главной улице города, остановился у магазина с огромной вывеской: «Разная модная одежда». На ней были нарисованы усатые мужчины в пальто с шалевыми воротниками и смокингах, дамы в манто с вуалью на лицах и с муфтами в руках, розовощекие дети в скаутских костюмчиках и строгие мужи в клетчатых кепи, охотничих крагах и косоворотках цвета «хаки».

– А где же одеяния послереволюционного периода? Скажем, кожаные куртки чекистов, френчи комиссаров, гимнастерки девиц в красных косынках? Никак этот нэпманский магазин задавил моду героического времени, – отметил он вслух и вошел в широкие двери.

В магазине великий комбинатор выступил с обвинением хозяина, что его торговля идет не в ногу с послереволюционным временем, что вместо моды героической эпохи, он предлагает трудовому народу отжившее буржуазное одеяние.

– Где кожаные куртки для моих товарищей из чека? – строго спрашивал он.

– Э-э-э, нету-с-с... – взволновался не на шутку нэпман.

– Где комиссарские френчи, гимнастерки наших красных бойцов? – допытывался Бендер.

– Э-э-э, не держим... – лепетал владелец, совершенно сбитый с толку такими вопросами.

– А для комсомольцев? Для комсомола? – перебирал одежду, висящую на плечиках, Остап. – Не вижу!

– Не извольте беспокоиться, мы все наладим, получим, сегодня же запросим этот товар, любезнейший, – начал заверять вспотевший от волнения хозяин, семеня за строгим и требовательным посетителем его магазина.

– Ну, хорошо, будем надеяться, что вы улучшите ассортимент вашего товара соответственно нашему героическому времени, – понизил строгость тона Остап. – Мне поручено встречать делегацию естествоиспытателей из Киева. Поэтому прошу одеть меня, как подобает представителю нашего города,уважаемый... – снисходительно взглянул на нэпмана Бендер. – Средств мне отпустили немного, но...

– Не извольте беспокоиться, не извольте, любезнейший. Я к вашим услугам, прошу к зеркалу, прошу сюда, – засуетился хозяин, почувствовав, как у него отлегло от сердца неприятное состояние, вызванное таким опасным политическим обвинением.

В магазине Остап задержался и на улицу вышел уже в новом темно-защитном плаще покроя «Макинтош». Под ним был темно-синий в тонкую полоску костюм-тройка, на ногах красовались штиблеты любимого его канареечного цвета, голову украшало модное в крапинку кепи, шею охватывал светлый из тонкой шерсти шарф, который прикрывал воротник бело-снежной рубашки с галстуком «бабочка». Толстовку, краги и шлем летчика угодливый хозяин уложил в темно-коричневый баульчик и с поклоном вручил его покупателю. И все это стоило Бендеру вполовину дешевле цен, указанных на продаваемом товаре.

Пройдя к местному базару, Остап встал среди продавцов, торговавших кто чем. Извлек из баула толстовку и краги, серьезным голосом стал кричать:

– Кому почти новую толстовку! И к ней модные краги, которые сейчас все носят в Париже! Дешево продаются по случаю вещи! Совсем недавно они принадлежали графу! Для законодателей современной моды скидка!

Шло время. Мимо него уже дважды прошел человек в кожаной куртке, съедая изучающим взглядом продавца. Но так как в словах и вещах того ничего контрреволюционного не было, поправил кепку и прошел мимо.

Бендер продолжал громко рекламировать свой товар, но, несмотря на необычные призывы и обещанную скидку, вещи его долгое время спроса не вызывали. Людей больше интересовал не «модный» товар, а мануфактура и другие предметы для хозяйства. Поняв это, он прошел в ряды, где торговали продуктами для питания. Здесь он совершил обмен «графских» вещей на кусок сала и увесистое кольцо украинской домашней колбасы.

Освободившись от надоевшего ему товара, Бендер, держа в руке баульчик, где помимо шлема теперь лежал колбасно-салочный пакет, направился в «Софievку», куда его настойчиво приглашал естествоиспытатель из Киева.

По пути Остап плотно пообедал в общепитовской столовой и, идя к парку, продолжал знакомиться с Уманью. А когда пришел в «Софievку», своего соседа по гостиничному номеру не нашел и стал прогуливаться по аллеям исторического красавца-парка, обдумывая план дальнейших действий.

«Вернуться в Бухару к подпольному миллионеру Корейко и попытаться выжать из него если не миллион, то приличную сумму денег? Отпадает, нет уверенности, что Корейко обосновался там. Он, наверное, ушел сейчас в более глубокое подполье после потери своего миллиона. Зося Синицкая потеряна раз и навсегда. А может быть, вернуться к мадам Грицащевой? С раскаянием, с пылкими объяснениями в любви... под звуки аргентинского танго? Нет, я не из тех, которые через годы возвращаются к своей курочке. Продать орден Золотого Руна и все же поехать в Москву. Выручить Шуру Балаганова из допра... За мелкую кражу не дали ему много. Да, а если обнаружат в его карманах 50 тысяч рублей? Как тут отнесутся к нему? Как Шура объяснил, откуда у него такие деньги? Все это... – задумался Остап. – А если он и вышел уже, выкрутился, то где его найдешь, если он снова подался в сыны лейтенанта Шмидта... Средне-

русская возвышенность, которая по решению Сухаревской конвенции досталась Балаганову, большая до необозримости».

Бендер прервал свои размышления и посторонился, пропуская мимо группу экскурсантов – пионеров, которым сопровождающий говорил:

– Вы находитесь в историческом парке, творении рук человеческих «Софиевке». Заложен он был для графа Потоцкого крепостными в 1796 году. Это один из самых выдающихся памятников паркового искусства. Сейчас здесь дендропарк…

– Вы издалека, умники? – спросил отставших двух школьников Остап, идя за ними.

– Из школы, товарищ, – степенно ответил один из них.

– Каникулы у нас… – пояснил другой.

– Но вы же приезжие, как я понимаю? – располагающее улыбнулся Остап.

– Вы не ошиблись, товарищ, – снова ответил первый школьник. И с достоинством уточнил: – Из Киева мы, товарищ.

– Из Киева? – почему-то переспросил Бендер, и в его мозгу пронеслось содержание статьи о Киевских кладах. – Из Киева… – повторил он.

Школьники оглянулись на «товарища» и ускорили шаг, поспевая за группой. Бендер помахал им прощально рукой и присел на скамью в аллее. Но тут же вскочил и театрально громко провозгласил:

– Вперед, в столичный город христианства на Руси! Вперед, к Киевским древним кладам! Командовать раскопками буду я!

Глава IV. О ТОМ, КАК ШУРА БАЛАГАНОВ ИЗБЕЖАЛ ДОПРА

Любопытная вещь. Обыкновенный человек, став пассажиром, превращается уже не в того, кем он был до этого. С момента, когда он еще до поезда, вступает на территорию вокзала, жизнь его резко меняется. Его встречают услужливые носильщики с медными бляхами на груди, освобождают руки пассажира от багажа и сопровождают его к поезду. Теперь он уже не сам по себе, он принадлежит железной дороге и обязан исполнять все ее правила. Эти строгие железнодорожные порядки он поругивает, хотя понимает, что без соблюдения их обойтись нельзя.

Железнодорожный пассажир – это человек особого склада. Он очень осторожен и всегда спешит. На вокзал он прибегает задолго до отхода поезда, хотя ему хорошо известно, что поезд не уйдет раньше времени. Отдав себя во власть железнодорожного начальства, он переживает за свое благополучное путешествие. На вокзале он ко всему относится с недоверием. Ему кажется, что кассир дал ему не тот билет, что в камере хранения вскроют чемодан и переворотят его вещи, что его плацкартное или купейное место в вагоне будет занято другим пассажиром.

Одним словом, он не верит в железнную дорогу и никак к ней не привыкнет.

До Христиновки, где была пересадка на поезд, следующий в Киев, Остап проехал без особых трудностей. Зато на этой узловой станции было столпотворение.

Поезда в Киев надо было ждать до следующего дня. А поезд на Черкассы отходил через час. Разговорившись с одним из пассажиров, Остап выяснил, что из Черкасс можно легко проплыть на пароходе, следующим из Екатеринославля в Киев и дальше. И Бендер решил садиться в поезд, отправляющийся в Черкассы.

Посадка в общий вагон поезда не дальнего и не скорого следования носила обычный, криклиwy и скандальный характер. Пассажиры с тяжеленными мешками, узлами и чемоданами носились вдоль поезда от одного вагона к другому, толкая и давя друг друга, чтобы поскорее занять свободное еще место в вагоне.

Остап со своим баульчиком, в котором было все необходимое для дороги, пробился к проводнику со словами:

– Разрешите, разрешите командировочному естествоиспытателю! Гражданка, куда же вы? Это же не ваш поезд! Дядя, отодвинь свой багаж!.. А вы, папаша...

Бендер предъявил билет усатому кондуктору и наконец ворвался в вагон.

Перешагивая через вещи, загромождающие проход, Остап успел все же занять среднюю полку и со вздохом промолвил:

– Никакого сравнения с литерным...

Паровоз длинным гудком заглушил крики пассажиров все еще штурмующих двери вагонов, и поезд медленно тронулся, сначала назад, а затем вперед.

В Черкассы Остап прибыл утром. От железнодорожного вокзала к речному он подъехал на телеге. Прокричав на прощанье возчику:

– Папаша, удачной тебе погрузки! – пошел знакомиться с расписанием и приобретать билет на пароход до Киева.

Купив билет, Бендер в ожидании парохода стал прогуливаться по берегу Днепра.

Река сверкала на солнце водной чешуей. Носились крикливые чайки, высматривая добычу. У соседнего грузового причала скрипели такелажные блоки. Шла погрузка парохода «Унеча». Пахло рыбой и просмоленной пенькой. Рейсового парохода с низовьев Днепра не было. Это очень беспокоило ожидающих его пассажиров.

Наконец к вечеру на Днепре в весенней дали прогудел пароход. В прошлом «Екатеринославль», а в дни военного коммунизма переименованный в «Пролетарий» пароход, шлепая плициами своих двух огромных колес, подобрался к пристани. Береговой речник и два дюжих матроса на борту парохода прикрепили судно канатами к дубовым сваям, и после высадки прибывших пассажиров, началась посадка.

Давки не было. Пассажиры выстроились один за другим, предъявляя билеты, стали всходить по деревянному трапу на борт «Пролетария».

Закончив посадку, пароход, усиленно работая колесами, отвалил от причала. Остап в последний раз окинул взглядом городок, не совсем ясно видимый в дождливых сумерках, и спустился вниз, где размещался «салон третьего класса». Остап поморщился от устоявшегося там запаха пищи и скученности пассажиров. С мешками, тюками и корзинами их набилось сюда до такой тесноты, что отыскать место для сидения, а тем более для лежания на одной из скамеек, было делом безнадежным. И великий комбинатор, пожалев, что не взял билет, если не первого, то хотя бы второго класса, решил посидеть как можно дольше в ресторане.

Заняв место за свободным столиком у прямоугольного окна ресторана, который размещался на средней палубе парохода, Остап заказал отбивную с жареным картофелем, сельдь с маслинами и графинчик водки.

В единственном на пароходе ресторане, которым могли пользоваться пассажиры всех классов, посетителей было мало. Тишину зала нарушали только шумы пароходных машин да шлепанье плиц по воде.

Молодой парень в не очень свежем фартуке, но с рабой «бабочкой» на воротнике белой рубашки, заученными движениями расставил перед Остапом заказ и, старорежимно поклонившись, удалился на кухню.

Над рекой уже сгустился дождливый вечер, и живописные берега могучего Днепра просматривались неясными очертаниями. Но Остап все же всматривался в медленно проплывающий вдали берег, вытянув под столом ноги, освобожденные от штиблет. Ел, пил и наслаждался ресторанным уютом, подумывая по привычке о своих ближайших действиях после прибытия в Киев, куда «Пролетарий» должен был прибыть утром следующего дня.

Ресторан по-прежнему не густо пополнялся пассажирами. Но вот в зал его вошел рослый плотного телосложения молодой человек в нарядном костюме. Тряхнув рыжими кудрями, он сел за свободный столик у противоположной стороны от Бендера и властно провозгласил:

– Официант!

И когда тот услужливо подбежал к нему, начал громко заказывать.

Остап не обратил бы внимания на этот призыв и слова заказа молодого франта, как и на двух нэпманов, сидящих за столом наискосок от него, если бы не уловил в голосе нового посетителя ресторана уж больно что-то знакомое.

Рыжеволосый посетитель сидел к Бендеру боком, и он лица его не видел. Но плечи, а тем более голос напоминали ему кого-то очень хорошо знакомого. Он встал и прошел мимо молодого человека, будто бы с намерением посмотреть в противоположное окно ресторана. Возвращаясь, Остап смело взглянул в лицо заинтересованного его человека. И сразу же тишину ресторанных зала прорезал вскрик великого комбинатора:

– Шура! Родной! Узнаешь брата Колю?!

Рыжеволосый, услышав хорошо знакомые ему слова, секунду вглядывался в названного своего молочного брата Колю и, опрокидывая стул, бросился к Бендеру с криками:

– Узнаю! Узнаю! Командор! Дорогой мой брат Вася!

Услышав эти возгласы, присутствующие в ресторане перестали есть, разговаривать, и устремили свои взоры на встретившихся. Из ресторанный кухни и подсобки выбежали официант, повар и мальчишка судомойщик. Все с нескрываемым интересом смотрели на встречу двух братьев.

Здесь необходимо пояснить, кто такой Шура и почему Бендер и он называли друг друга Колей и Васей? Советую,уважаемый читатель, прочесть первую главу романа «Золотой теленок» великих писателей Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Но поскольку не у каждого есть такая возможность ознакомиться с этим бессмертным произведением, я кратко сокращением изложу содержание этой главы.

Приехав в город Арбатов и походив по его улицам, Остап Бендер сказал с явным огорчением:

– Нет, это не Рио-де-Жанейро.

Вскоре он уже стучался в дверь кабинета предисполкома.

– Вам кого? – спросила секретарь. – По какому делу?

– По личному, – сухо сказал он, не оглядываясь на секретаря и засовывая голову в дверную щель. – К вам можно?

И, не дождавшись ответа, приблизился к письменному столу:

– Здравствуйте, вы меня не узнаете?

Председатель посмотрел на посетителя довольно рассеяно и заявил, что не узнает.

– Неужели не узнаете? А между тем многие находят, что я поразительно похож на своего отца.

– Я тоже похож на своего отца, – нетерпеливо сказал председатель. – Вам чего, товарищ?

– Тут все дело в том, какой отец, – грустно заметил посетитель. – Я сын лейтенанта Шмидта.

Представитель смущился и привстал. Пока он собирался с мыслями, чтобы задать сыну черноморского героя приличествующий случаю вопрос, посетитель осматривал меблировку кабинета. «Тут много не возьмешь, – подумал Остап. – Нет, это не Рио-де-Жанейро».

– Очень хорошо, что вы зашли, – сказал, наконец, председатель. – Вы вероятно из Москвы?

– Да, проездом – ответил посетитель.

– Церкви у нас замечательные. Из Главнауки приезжали, собираются реставрировать. Скажите, а вы-то сами помните восстание на броненосце «Очаков»?

– Смутно, смутно, – ответил посетитель. – В то героическое время я был еще крайне мал. Я был дитя.

– Простите, а как ваше имя?

– Николай... Николай Шмидт.

– А по батюшке?

– «Ах, как нехорошо» – подумал посетитель, который и сам не знал имени своего отца.

– Да-а, – протянул он, уклоняясь от ответа, – теперь многие не знают имен героев. Угар эпохи. Нет того энтузиазма. Я собственно попал к вам в город совершенно случайно. Остался без копейки.

Председатель обрадовался перемене разговора. Ему показалось позорным, что он забыл имя очаковского героя.

– Как вы говорите? Без копейки? Это интересно.

– Конечно, я мог бы обратиться к частному лицу, – сказал Остап, – мне всякий даст, но, вы понимаете, это не совсем удобно с политической точки зрения. Сын революционера – вдруг просит денег у частника, у нэпмана.

– И очень хорошо сделали, что не обратились к частнику, – сказал председатель. И выдал сыну черноморского героя восемь рублей и три талона на обед в кооперативной столовой «Бывший друг желудка».

Сын героя уложил деньги и талоны в карман и тут за дверью кабинета послышался топот и загадительный возглас секретаря.

Дверь поспешно растворилась, и на пороге ее показался новый посетитель.

— Кто здесь главный? — спросил он, тяжело дыша и рыская блудными глазами по комнате.

— Ну, я — сказал председатель.

— Здоров, председатель, — гаркнул новоприбывший, протягивая лопатообразную ладонь. — Будем знакомы. Сын лейтенанта Шмидта.

— Кто? — спросил глава города, тараща глаза.

— Сын великого, незабвенного героя лейтенанта Шмидта, — повторил пришелец.

— А вот же товарищ сидит — сын товарища Шмидта, Николай Шмидт.

И председатель в полном расстройстве указал на первого посетителя. В глазах второго сына лейтенанта Шмидта отразился ужас.

На лице председателя появилась скверная улыбка.

— Вася! — закричал первый сын лейтенанта Шмидта, вскакивая. — Родной братик! Узнаешь брата Колю?

И первый сын заключил второго сына в объятия.

— Узнаю! — воскликнул прозревший Вася, — Узнаю брата Колю!

Обнимаясь, оба брата искоса поглядывали на председателя, с лица которого не сходило укусное выражение.

Держась за руки, братья опустились на козетку и, не пуская листивых глаз с представителя, погрузились в воспоминания.

— До чего удивительная встреча! — фальшиво воскликнул первый сын, взглядом приглашая председателя примкнуть к семейному торжеству.

— Да, — сказал председатель замороженным голосом. — Бывает, бывает.

Увидев, что председатель все еще находится в лапах сомнения, первый сын погладил брата по рыжим, как у сеттера кудрям и ласково спросил:

— Когда же ты приехал из Мариуполя, где ты жил у нашей бабушки?

— Да я жил, — пробормотал второй сын лейтенанта, — у нее.

— Что же ты мне так редко писал? Я очень беспокоился.

— Занят был, — угрюмо ответил рыжеволосый.

И, опасаясь, что неугомонный брат сейчас же заинтересуется, чем он был занят, а занят он был преимущественно тем, что сидел в исправительных домах различных автономных республик и областей, второй сын лейтенанта Шмидта вырвал инициативу и сам задал вопрос:

— А ты почему не писал?

— Я писал, — неожиданно ответил братец, чувствуя необыкновенный прилив веселости, — заказные письма посыпал. У меня даже почтовые квитанции есть.

И он полез в боковой карман, откуда действительно вынул множество лежалых бумажек, показал их почему-то не брату, а председателю издалека.

Как ни странно, но вид бумажек несколько успокоил председателя, и он отпустил братьев с миром. Они выбежали на улицу, чувствуя большое облегчение. За углом исполкомовского дома они остановились.

— Вы зачем полезли в кабинет? Разве вы не видели, что председатель не один? В детстве таких как вы я убивал из рогатки.

— Я думал...

— Ах. Вы думали? Вы, значит, иногда думаете? А теперь давайте познакомимся. Как-никак мы братья, а родство обязывает. Меня зовут Остап Бендер. Разрешите так же узнать вашу первую фамилию.

— Балаганов, — представился рыжеволосый. — Шура Балаганов.

Так состоялось знакомство Остапа Бендера и Шуры Балаганова, двух фальшивых сыновей лейтенанта Шмидта, называвших друг друга Колей и Васей.

Балаганов становится верным компаньоном-единомышленником великого комбинатора Остапа Бендера. И по прошествии времени, насыщенного многими приключениями, подчас комическими, друзья встречаются вновь вот сейчас в ресторане парохода «Пролетарий».

– Какими судьбами, Шура?

– А вы, вы, командор? – любовно продолжал обнимать Остапа тот. – Прошу, садимся за мой стол, командор, за мой стол! – возбужденным голосом повторял Балаганов.

Когда после радостных возгласов и сильных объятий друзья уселись наконец за стол, Бендер взволнованно сказал:

– Рассказывайте вначале вы, Шура, каким это образом...

Увидев, что шумная встреча друзей произошла, жизнь в пароходном ресторане потекла своим чередом. Нэпманы вновь зашушукались о своих предпринимательских делах, повар и судомойщик удалились на кухню, а официант уже расставлял заказанное перед Балагановым.

– Любезнейший, перенесите все с моего стола сюда, – распорядился Остап.

– Не извольте беспокоиться, уважаемый, сейчас-с...

– Рассказывайте вначале вы, Шура, – повторил Бендер. – Каким это образом вы в таком респектабельном виде на пароходе? – спросил он, когда официант отдалился от них.

– Ох, командор! Сколько ответов на вопросы надо поведать, если по справедливости. Ну, а вы, вы, командор? – жаждал узнать о Бендере Балаганов.

– Обо мне потом, рассказывайте о себе, дорогой Шура, – откинулся на спинку стула Остап, отводя взгляд в сторону.

Но перед тем, как Бендер услышит рассказ Балаганова, снова обратимся к страницам романа «Золотой теленок». Кратко сокращением изложу события предшествующие встречи двух названных сыновей лейтенанта Шмидта.

Великий комбинатор Остап Бендер удачно изъял заветный миллион рублей у подпольного миллионера Корейко. На Рязанском вокзале Москвы он находит Шуру Балаганова, который по-прежнему ведет нищенский образ жизни, занимаясь мелкими кражами.

Бендер, увидев Балаганова спящего на вокзальной скамье, наклонился над ним и сказал:

– Вставайте, граф, вас зовут из подземелья!

Шура сел, потер лицо рукой и только тогда признал пассажира.

– Командор! – закричал он.

– Нет, нет, – заметил Бендер, защищаясь ладонью, – не обнимайте меня. Я теперь гордый. Балаганов завертелся вокруг командора. Он не узнавал его в такой изысканной одежде.

– Забурел, забурел! – радостно вскрикнул Балаганов. – Вот забурел!

– Да, я забурел, – сообщил Бендер с достоинством. – Ну, каковы ваши достижения? Все еще в сыновьях?

– Да так, – замялся Шура, – больше по мелочам.

В буфете Остап потребовал белого вина и бисквитов для себя и пива с бутербродами для бортмеханика.

– Скажите, Шура, честно, сколько вам нужно денег для счастья? – спросил Остап. – Только подсчитайте все.

– Сто рублей, – ответил Балаганов, с сожалением отрываясь от хлеба с колбасой.

– Да нет, вы меня не поняли. Не на сегодняшний день, а вообще. Для счастья. Ясно? Чтобы вам было хорошо на свете.

Балаганов долго думал, несмело улыбаясь, и, наконец, объявил, что для полного счастья ему нужно шесть тысяч четыреста рублей и что с этой суммой ему будет на свете хорошо.

– Ладно, – сказал Остап, – получите пятьдесят тысяч.

Он расстегнул на коленях квадратный саквояж и сунул Балаганову пять белых пачек, перевязанных шпагатом. У бортмеханика сразу же пропал аппетит. Он перестал есть, запрятал деньги в карманы и уже не вынимал оттуда рук.

– Неужели тарелочка? – спрашивал он восхищенно.

– Да, да, тарелочка – ответил Остап равнодушно. – С голубой каемкой, подзащитный принес в зубах. Долго махал хвостом, прежде чем я согласился взять. Теперь я командую парадом! Чувствую себя отлично.

– Ух, как я теперь заживу! – произнес восторженно Шура. – Знаете что с Козлевичем? Он все-таки собрал «Антилопу» и работает в Черноморске. Письмо прислал. Просит прислать ему шланг. Побегу искать этот шланг.

– Не надо, – сказал Остап – я ему новую машину куплю. Едем в «Гранд-Отель», я забронировал номер по телефону для дирижера симфонического оркестра. А вас надо приодеть, умыть, дать вам капитальный ремонт. Перед вами, Шура, открываются врата великих возможностей.

Они вышли на Каланчевскую площадь. Такси не было. На извозчике Остап ехать отказался. Сели в трамвай.

Вагон был переполнен. Волнующиеся пассажиры быстро оттеснили Балаганова от Остапа, и вскоре молочные братья болтались в разных концах вагона, стиснутые грудями и корзинами. Остап висел на ремне, с трудом вытирая чемодан, который все время уносило течением. Внезапно, покрывая обычную трамвайную бранью, со стороны, где колыхался Балаганов, послышался женский вой:

– Украли! Держите! Да вот же он стоит!

Все повернули головы к месту происшествия, задыхаясь от любопытства стали пробиваться любители. Остап увидел ошеломленное лицо Балаганова. Бортмеханик еще и сам не понимал, что случилось, а его уже держали за руку, в которой крепко была зажата грошовая дамская сумочка с мелкой бронзовой цепочкой.

Обладатель пятидесяти тысяч украл сумочку, в которой были черепаховая пудреница, профсоюзная книжка и один рубль семьдесят копеек денег. Вагон остановился. Любители потащили Балаганова к выходу. Проходя мимо Остапа, Шура горестно шептал:

– Что ж это такое? Ведь я машинально.

– Я тебе покажу машинально! – сказал любитель в пенсне и с портфелем, с удовольствием ударяя бортмеханика по шее.

В окно Остап увидел, как к группе скорым ходом подошел милиционер и повел преступника по мостовой. Великий комбинатор отвернулся.

Вот какие предшествующие события произошли с Шурой Балагановым, и когда молочные братья расстались и встретились вновь сейчас.

– Изволите что-нибудь еще заказать? – подошел к ним официант.

– Нет, нет, любезнейший, – отмахнулся Бендер. – Рассказывайте, рассказывайте, дорогой Шура.

Балаганов помолчал немного и начал свой рассказ:

– Когда меня повели, значит, то толпа любопытных поохотилась. А когда милиционер объявил, как и вы, Остап Ибрагимович, в Черноморске, помните? Когда Михаил Самуэльевич Паниковский засыпался, чтобы свидетели шли с ним в участок, то толпа сразу же отхлынула от меня. И даже та гражданка, выхватив из моих рук свою жалкую сумочку, сказала:

– В допру его, товарищ милиционер. А мне на службу надо, еще и молока купить ребенку, – и тоже помчалась к подошедшему трамваю. И я остался с милиционером один на один. Ну точь-в-точь как и тогда в случае с Паниковским, товарищ Бендер! – засмеялся Балаганов. – Даже тот интеллигент в золотом пенсне, видели, как он двиганул меня по шее? И тот рванул к трамваю. Ну, я, как вы понимаете, дорогой командор, стою сам не свой со слезливой миной на лице. Чувствую, что снова не миновать мне допра. Сунул свободную руку в карман, а там пачки денег, подаренные вами, Остап Ибрагимович. И в моем сердце пробудилась такая

сильная жажда к свободе, поесть досыта вкусной пищи, пожить в свое удовольствие, имея большие деньги, которых у меня отродясь не было, о которых я даже и мечтать не смел.

— Дальше, Шура, дальше, — с нескрываемым любопытством смотрел Остап на своего бывшего бортмеханика «Антилопы».

— Давай шагай, шагай, — повел меня милиционер, — в участке разберемся. — А я ему плаксиво-жалобно: — Дяденька, да я же не хотел...

— Иди, иди, нашел себе дяденьку, — засмеялся легавый, держа меня за локоть. — Уж больно лицо мне твое знакомо, видать уже не раз к нам приводился, а?

И тут, поверите, Остап Ибрагимович, как только он это сказал, в конце площади разнеслись милицейские свистки, послышалась стрельба. А пробегающий мимо нас милиционер крикнул:

— Прохоров, за мной! Бандитов ловим, не слышишь?

— Так я ж, вот с ним! — мой милиционер ему вдогонку.

— Брось его, направь в участок! — распорядился тот.

— Ступай, — указал мне Прохоров куда идти, будто я сам не знал, — хохотнул Балаганов, — а сам помчался за тем в сторону свистков и стрельбы. Потом остановился и крикнул еще:

— Не смей убегать! Издалека достану! — пригрозил он мне, отбегая.

Но я все же пошел по направлению к участку. Иду, а в карманах штанов пачки денег по ляжкам хлопают. И тут произошло то, чего не милиционер, ни даже я сам не ожидал. Мимо проезжал экипаж с поднятым козырьком над задним сиденьем, всевышняя сила вдохнула в меня решительность и прыткость. Я вскочил на его подножку и повалился на сидение рядом... со священником!

— Ну и ну, Шура, ничего не скажешь... — покачал головой Бендер. — Дальше?

— Плюхнулся я, значит, на сидение рядом со священником. Кучер заорал:

— Куда?! Вон! — кнутом замахнулся на меня, но побоялся священника задеть.

— Батюшка, спаси меня, я никого не убивал. Вот только машинально, понимаете? — сказал я ему.

Священник с окладистой бородой, с крестом на лиловой рясе трижды перекрестил меня и ответил:

— Бог тебя спасет, раб божий, молись.

— Ах, святой отец, но я не знаю ни одной молитвы, — смутился я.

— Крещеный? Вот так и крестись, — показал мне священник.

— Я неловко повторил, как надо креститься, а кучер обернулся и спросил:

— Так что, отец Никодим, высаживаем беглеца, а?

От этих слов я сжался весь и забился в угол сидения, боясь оказаться снова на улице, где, возможно, за мной уже гонится Прохоров, если не бегом, то на извозчикье пролетке.

— Поезжай, поезжай, Василий, да как можно резвее, — приказал отец Никодим.

— И фаэтон помчался еще быстрее под цокот копыт, так как кучер захлестал двух лошадей, но не кнутом, а вожжами по их крупам.

— Ну, друг мой Шура, ничего не скажешь, повезло, — сдвинул под собой стул Бендер. — И милиционер не догонял?

— Ой, комедия, Остап Ибрагимович, — засмеялся Балаганов. — Как мне потом рассказал мой дружок, который видел, как легавый оглянулся как раз в тот момент, когда я вспрыгнул в экипаж. Он бросился за ним. Сунул в рот свисток и, чуть не лопнув, задул в него, но свистка не получилось. Отверстие было забито, наверное, семечкой. Легавый с досадой махнул рукой и побежал на помощь своим товарищам, — засмеялся рыжеволосый бывший уполномоченный по рогам и копытам.

— Выходит, все было за то, Шура, чтобы вы избежали допра. Вам невероятно повезло.

– Еще как! Шесть месяцев допра, не меньше, мне намотали бы, Остап Ибрагимович. Деньги конфисковали бы, вопросы, откуда, да что? Еще и контру могли бы приписать, а? – засмеялся Балаганов.

– Контру не контру, а уж посмотрели бы на тебя не как на карманника, а как на социально опасного элемента. И, возможно, решили бы, что ты из тех, которых ловили тогда со стрельбой, Шура. И Беломорканал тебе бы засветился домом.

– Ой, Остап Ибрагимович, командор! – растроганно произнес Балаганов и потянулся через стол, чтобы обнять Бендера.

– Ну-ну, без телячьих восторгов, Шура. Не надо оваций… Неужели вы и теперь опуститесь до низкого пижонства?

– Вот крест святой, Остап Ибрагимович, ни за что! – горячо выпалил и перекрестился Балаганов. – Положите вот здесь что угодно, не возьму чужого. Я сейчас другим человеком стал. Смотрите, какой у меня нательный крест, – распахнул Балаганов пиджак, жилетку и расстегнул рубашку. На груди бывшего карманника и мелкого воришко висел на серебряной цепочке золотой крест с распятием.

Да, с тех пор жизнь Шуры Балаганова резко изменилась и стала на прочный исправительный путь. Он как на исповеди все рассказал отцу Никодиму, за что задержал его милиционер. А когда рассказал, то кающимся голосом пояснил:

– Машинально, святой отец, клянусь, машинально. У меня же и деньги есть… – сунул он руку в карманы, намериваясь показать священнику одну из пяти пачек денег, но не решился.

– Понимаю, раб божий, искушение тебя взяло нечистым поводом. Да простит тебя Бог. Возвратил ли ты украденное пострадавшей?

– А как же, святой отец, она взяла свою эту жалкую, ничтожную сумочку.

– Ну что ж, едем ко мне, раб божий. Величать тебя как?

– Александром, батюшка.

– Вот, Александр, поживешь у меня. Поможешь по дому, если таково желание в твоей душе будет. Послушаешь проповеди. И даст Бог, Всеявышний вразумит тебя, отвернет тебя, раб божий Александр, от лжи, обмана и посягательства на чужое.

Всю осень и зиму Балаганов прожил у священника. Колол дрова, носил воду, очищал двор от снежных сугробов и слушал церковные проповеди и богослужения. Но когда наступил Рождественский пост, то чуть было вновь не сорвался и не сбежал от отца Никодима. Но взяв себя в руки, не без помощи священника, продолжил жизнь в тепле, хотя и впроголодь, так как в доме священнослужителя и матушки, и все домочадцы постились. И чтобы удержаться, не свернуть с честной дороги, Балаганов время от времени шел в город, заходил в частный ресторан и наедался там до отвала не только постной пищи, но и скоромной.

И вот наступило Рождество Христово. Боже, как понравился этот святой праздник Шуре! Никогда он еще не праздновал эту первопрестольную дату.

У отца Никодима все делалось по церковным канонам, по установившимся домашним традициям. Было наготовлено много разных праздничных кушаний, и даже на столе красовался запеченный молодой поросенок. А в углу зала стояла пахучая расцвеченная игрушками и свечами елка. Кругом было праздничное убранство, все домочадцы священнослужителя были торжественно веселы и нарядны.

– Все это хорошо, дорогой Шура. Так вы плывете из Екатеринославля? Как там оказались и почему в Киев?

– Когда отца Никодима арестовали, я по просьбе матушки и его личной, переданной из тюрьмы, выполнял их нижайшую просьбу. Отвез в Екатеринославльскую епархию две ценные иконы, большой серебряный крест с распятием и камнями, кадило, лампаду и праздничную ризу отца Никодима.

– И все это без утайки доставили по назначению? – недоверчиво смотрел Остап на Балаганова.

– Вот крест святой, Остап Ибрагимович, я же на иконе поклялся и крест вот у меня освященный церковью, – приложил Балаганов руку к груди.

– И вы действительно стали верующим?

– Не то, чтобы таким уж верующим, как церковники, но по душевному своему состоянию верующий, – кивнул Балаганов. – Не таким, конечно, верующим, как отец Никодим, его матушка и их домочадцы, но верующий, – повторил убежденно бывший уполномоченный по рогам и копытам.

– Это поразительно, Шура. Вы меня просто удивили как никто другой, зная вас в прошлом и слушая вот теперь. Ну хорошо, выполнили вы волю отца Никодима, отвезли, и что? Зачем плывете в Киев? Снова какое-то поручение церковников?

– Нет, Остап Ибрагимович. Киев я знаю неплохо. Не раз в его округе выступал как сын лейтенанта Шмидта, – засмеялся Балаганов. – Просто так, хочу побывать там в новом своем качестве, посмотреть, может быть, какое-нибудь дело подвернется.

– Вот-вот... – недоверчиво смотрел на него Остап.

– Нет-нет, Остап Ибрагимович, только честное, с капитальным вложением пусть, но только честное. Отпраздную Светлый пасхальный Праздник в столице христианства.

– Ну-ну, Шура... Вы ли это?

Остап неожиданно вспомнил, как он, защищая Кису Воробьевинова, скандалил с отцом Федором в Старгороде и спрашивал того: «Папаша, почем опиум для народа?». Сейчас он смотрел на своего бывшего молочного брата и покачивал головой, узнав о такой невероятной перемене в нем. Затем хитро спросил:

– А может, снова есть желание побывать сыном лейтенанта Шмидта?

– Что вы, что вы, Остап Ибрагимович! – замахал руками Балаганов, как человек, отгоняющий назойливую осу. И с жаром заверил: – Ни за что! Вы же сами говорили, что это пижонство, товарищ Бендер.

– Говорил и говорю, дела надо делать покрупнее и достойнее, дорогой Шура. Слышали о таком? В газете недавно было напечатано, Киев насыщен кладами и составляет треть всех древнерусских кладов. Понимаете, Балаганов? Вот я и думаю...

– Ох, Остап Ибрагимович, они же все под землей, как же их найти?

– В том-то и дело, что их обнаружить трудно. Иначе каждый дурак находил бы клад и разбазаривал. Ну, а вы, Шура, имея 50 тысяч дарственных денег... Положим, за вычетом сделанных вами расходов, уже меньшую сумму, что вы делаете, Балаганов? Прилично приоделись, как я вижу, плывете в каюте первого класса, как я понимаю, и проматываете тысячи?

– Да, Остап Ибрагимович, ничего на ум не приходит. Открыть свое дело я неспособен. Воровать я уже не могу, поклялся на иконе, не могу и не буду. Пальцы себе поотрубываю. О женитьбе, правда, подумываю... – смущился рыжеволосый друг Остапа.

– Это объяснимо, годы берут свое. Так что, к семейному уюту потягивает?

– Ой, товарищ Бендер, я как подумаю, что буду семьей связан по ногам и рукам, да пойдут еще дети, так сразу же меняю решение.

– Правы, Шура, не уподобляйтесь пижонству не только в мелких воровствах и аферах, но даже и в семейных узах. Я имел глупость как-то жениться на одной мадам. И что же вы думаете, Балаганов? Она меня и в Москве отыскала. Еле ушел от ее страстных притязаний.

– Вот-вот, Остап Ибрагимович, я тоже боюсь этого. Достаточно того, что свободу мою допры переполовинили. Поэтому я сейчас ломаю голову в поисках себя, ищу подходящее для себя занятие.

– Деньгами ищите себя, Шура, как и я, когда обладал миллионом, – согласился Бендер.

– А может, Остап Ибрагимович, вместе махнем в Рио-де-Жанейро? – прошептал Балаганов.

– Можно было бы, только не таким моим дурацким способом, Шура. Но моих и даже ваших денег для этого недостаточно.

– И что, нужен еще миллион? Одного вашего мало? – удивился единомышленник в деле Корейко.

– Да, Шура, мало. Ведь я снова на мели, – наколол вилкой маслину Бендер.

– Как на мели, командор? – потянулся к Остапу Балаганов. – А миллион? – прошептал он, оглянувшись по сторонам. – На тарелочке с голубой...

– С трудом пришел и трагически ушел, дорогой Шура. От него только и остался орден Золотого Руна. Или, как я теперь его называю, орден Печального Образа.

– Ой, Остап Ибрагимович, не стоит расстраиваться, теперь мы вместе, теперь мы...

– Это верно, Шура. Теперь мы снова начнем горы воротить. За наш совместный успех, – поднял рюмку Остап.

– За успех, командор! – поднял свою рюмку и Балаганов.

– А может, – заговорщически, зашептал рыжеволосый единомышленник Остапа, когда выпил, – отыщем Корейко и пусть он повторит на тарелочке с голубой каемочкой?

– Ну, нет, Шура. Отыскать иголку в сене так же, как отыскать теперь и Корейко. Я обдумываю новый способ приобретения заветных денег.

– Вы говорили о Киевских кладах...

– Говорил, но как их найти? Вот проблема, Шура. Кто-то, скажем, нашел, археологи раскопали... Но это дело случая. Кроме того, ни я, ни вы, Балаганов, к археологии не имеем никакого отношения. Не говоря уже о наших знаниях в этой области.

– Это верно. Я абсолютно даже не знаю, что это такое архе... мология...

– Археология – это наука, Шура. Изучающая раскопки и по найденным предметам древности современное человечество узнает, как жили наши древние предки. Какова была у них культура, что они ели, что выращивали, во что одевались, как строили свои жилища и так далее, и тому подобное. Вам ясно, Балаганов?

– Немного да, понятно, – качнул своими рыжими кудрями бывший уполномоченный по рогам и копытам.

– А может, – после некоторого раздумья сказал Остап, – откроем частную контору по археологическим изысканиям? И в ней вы займете должность, Шура, старшего научного сотрудника. Подходит?

– Ох-хо-хо, – засмеялся Балаганов. – А как же миллион? Нашли предметы старины, но это же не деньги?

– Как это не деньги? Теперь я вижу, что вы совсем далеки от элементарного понятия археологических находок. Вот читайте, – протянул Бендер вырезку из киевской газеты «Пролетарская правда».

Балаганов стал читать вслух, и Остап терпеливо ожидал эффекта, который должен был проявиться на лице молочного брата. И он не ошибся.

– Вот это да! Столько золота! – восхликал Балаганов.

– И не только, Шура. Ценность этих изделий древности трудно поддается определению деньгами. Они бесценны. За границей они могут стоить не один и не два миллиона долларов, фунтов, а десятки. Понимаете, Балаганов, как велика моя затея?

– Но как мы найдем такое? – прошептал Балаганов, наклоняясь к Бендеру через стол.

– Вот тут-то и проблема, дорогой Шура. – Нужно что-то придумать, это я и делаю. Днем и ночью думаю. Скажу прямо, для этого дела нам понадобятся ваши деньги.

– Снова банк? – расширил в испуге глаза Балаганов. – Как в Черноморске?

– Банк, Шура, банк. Но сожмем расходы до предела, чтобы не оказаться без денег, как тогда, если не повезет с находками.

– Ну, знаете, товарищ Бендер… – нерешительно промолвил Балаганов. – Конечно, если по справедливости, деньги ваши, но…

– Нет, деньги ваши, товарищ Балаганов, – строго перебил своего подопечного Бендер. – Но я принимаю вас в свою компанию… в число акционеров, Шура, зачисляю в свой штат, понимаете?

– Командор! – прижал руки к груди Балаганов. – Командор…

– Итак, решайте, да или нет? Если нет, то я и без вас обойдусь, продам орден Золотого Руна и открою акционерную контору. Если да…

– Да, да, да, – заспешил согласиться Балаганов. – Я с вами, командор, с вами… – и с этими словами начал отстегивать увесистый пояс вокруг своей талии, под пиджаком и рубашкой.

– Не сейчас, не сейчас, дорогой Шура, – остановил его жестом Бендер. – Пусть они пока побудут у вас. Выпьем еще раз за встречу…

– Ой, командор, какая встреча! – после принятого им смелого решения Балаганов никак не мог успокоиться, приводя свою одежду в надлежащий вид.

– Это невероятно, встретиться на пароходе… И вы совсем другой… В таком респектабельном виде… – заметно захмелев, говорил Бендер.

– Командор! – тоже хмельным голосом говорил Балаганов. – Дорогой командор!..

Эту ночь названные братья спали в каюте первого класса Балаганова. Спали осчастливленные неожиданной встречей и планами, начертанными великим комбинатором.

Глава V. В КИЕВЕ. УЧРЕЖДЕНИЕ «ДОЛАРХ»

Остап Бендер и Шура Балаганов прибыли в Киев, когда могучий и вольный красавец Днепр после весеннего разлива входил в берега. Когда Владимирскую горку и Крещатик, и весь город заливало солнечное сияние. Когда террасы великого днепровского города уже расцвечивались ярко-зеленой молодой листвой и травой.

Они сошли с «Пролетария» и пошли по Подолу к трамваю. Но в трамвай не сели, а пошли в сторону площади «Контрактов» – киевской ярмарки, к гостиному двору. Здесь целая улица торговала готовым платьем. В глаза бросались вывески: «Лувр», «Змичка», «Варшава», «Мода» и другие.

– Остап Ибрагимович, это нижний район Киева, – пояснял Балаганов. – Как я знаю, он горел, тонул от наводнения… Это самая торговая часть города. А там Житный базар, командор… – указал рукой Балаганов.

– Что, торгуют житом? – насмешливо посмотрел на своего акционера Остап. Да нет же, командор, называется он так… Куда направимся, Остап Ибрагимович?

– В центр города и продолжим знакомство с Киевом, Шура.

Они втиснулись на открытую площадку трамвая, идущего в верхнюю часть Киева, и услышали разговор двух горожан:

– Вы не знаете, что такое торговать! – говорил один из них. – Сейчас торговать – это мучение!

– А служить разве лучше? – спрашивал другой. – За жалкие гроши и жди, что тебя вот-вот уволят…

– Дожились, сейчас все плохо, уважаемые… – вздохнула женщина.

– Когда дом строят, всегда лишения и трудности, граждане, – наставительно произнес человек в гимнастерке, соскакивая с трамвайной площадки у лестницы архитектора Меленского.

Остап и Балаганов в разговор не вступали, а когда трамвай медленно выполз на бывшую Конную площадь и остановился у дома бывшего купеческого собрания, они сошли с него и пошли по Крещатику, осматривая все вокруг.

В центре Киева стояли огромные дома, а на воротах этих коммунальных жилищ были вывешены грозные предупреждения неплательщикам за воду, за жилье и какие-то еще указания… Но это не касалось демобилизованных красноармейцев, поселенных здесь. Уплотнивших и без того тесную площадь жильцов.

Беспризорные в лохмотьях, сквозь дыры которых просматривалась нагота давно не мытых тел, приставали к прохожим, канюча деньги.

– Таких живописных и лукавых беспризорных я и в Москве не видел, Шура, – отметил Остап.

Идя по Крещатику, они, не сговариваясь, вдруг остановились. Прочли старую табличку на угловом доме: «Прорезная» и рассмеялись:

– Помните, я вам рассказывал, как Михаил Самуэльевич настоятельно меня просил: «Поезжайте в Киев, Шура, и спросите: чем занимался Паниковский до революции», – проговорил Балаганов.

– Помню, помню, «брат Коля»… – посмеивался Остап.

– Паниковский под видом слепого просил прохожего перевести его через эту улицу, – указал Балаганов, – и чистил у того карманы.

– Ой, Шура, мы находимся на историческом месте, граждане! – патетически воскликнул Бендер.

– А за то, чтобы Михаила Самуэльевича не трогали, – продолжал работавший с Паниковским в конторе «Рога и копыта», – платил городовому Небабе пять рублей в месяц! И тот следил, чтобы Паниковского не обижали… – не мог сдержать смех Балаганов.

– Ой, умора! Если бы вы знали, граждане, – обратился Бендер к прохожим, – чем знаменит этот угол, то непременно почтили бы светлую память человека без паспорта.

Люди шли мимо по своим делам и не обращали внимание на слова великого комбинатора. И только один солидный мужчина спросил:

– Как это без паспорта? Разве можно? – и, получив в ответ смех двух акционеров, поспешил удалиться.

– Михаил Самуэльевич говорил, что встречал этого Небабу, – еще сказал Балаганов. – Городовой теперь музыкальный критик, командор!

– Почтим светлую память Паниковского, Шура, молчанием, – серьезным голосом заявил Остап, – обнажим головы.

Постояв на углу Прорезной и Крещатика около минуты, друзья пошли дальше по главной улице Киева. Но Бендер вдруг остановился и обернулся к Прорезной, говоря:

– А знаете, Шура, чтобы увековечить светлую память о Михаиле Самуэльевиче Паниковском, мы откроем свою контору не где-нибудь, а непременно на углу Прорезной и Крещатика. Подышем комнатку на первом этаже…

– Это будет прекрасно, Остап Ибрагимович, просто великолепно, если сделаем так, командор.

Пройдя до Бессарабки, акционеры перешли площадь и вошли в крытый рынок. Здесь торговали всем, от ранней зелени, украинской домашней снеди, мяса, курей, прошлогодних овощей и фруктов, молока, творога и сметаны, до мелкой живности, конских хомутов, сбруй и москательных товаров.

– Шура, служебный день уже начался и нам не следует терять время, – сказал Бендер, оглядев шумные ряды рынка.

Балаганов глазами исполнительного подчиненного посмотрел на своего командора и ответил:

– Будем устраиваться в гостиницу, Остап Ибрагимович, и завтракать.

– Это никуда от нас не уйдет, Балаганов. Вначале… – не договорил Бендер и остановил человека интеллигентного вида вопросом:

– Будьте любезны, товарищ, где находится комитет по делам археологии?

Местный интеллигент, озадаченный вопросом, подумал несколько секунд и ответил:

– И не слышал о таком, уважаемый, – и пошел от великого комбинатора, держа корзинку с покупками.

Расспросив более десятка прохожих, акционеры призадумались.

– А может, командор, такого и нет здесь, и все это выдумки? – спросил Балаганов, видя, что их поиски безуспешны.

– Шура, вы так и остались неверующим Фомой, – взглянул с сожалением на него Остап.

– Нет, почему, я верующий, я же говорил вам, командор, но не так чтобы…

– Если в городе под землей так много кладов, то есть и организация для поиска их, Шура, – наставительно ответил Остап, поняв, что Балаганов имеет в виду совсем другую веру и не стал его поправлять, а остановил очередного прохожего.

– А-а, как не знать, товарищ, вычистили меня оттуда, а находится он на улице Ленина, это бывшая Фундуклеевская, там и находится ВУАК… – и хотел было идти дальше, но его остановил Бендер вопросом:

– Как это ВУАК?

– А так. Всеукраинский археологический комитет, товарищи, – совсем не расстроено, а скорее весело пояснил тот.

– Премного благодарны, уважаемый, весьма, – проговорил Остап вслед неунывающему гражданину, которого вычистили из этого комитета.

– Вот видите, Шура, я же говорил, а вы не верили. Просто эта организация иначе называется ВУАК, – засмеялся Бендер.

Вскоре, оставив Балаганова с баулом и чемоданчиком на улице, Бендер вошел в приемную председателя ВУАКа.

– Вам кого? По какому вопросу, товарищ? – преградила ему путь в кабинет секретарша, с длинной папирюсой в руке.

– Я из Харькова, разве не видно, что по очень важному делу, барышня, – слегка отстранил ее в сторону великий комбинатор и вошел в кабинет.

– К вам можно? – спросил он с порога.

И, не дождавшись ответа, приблизился к письменному столу.

– Здравствуйте, я из Харькова по воле моего покойного отца, товарищ председатель.

Хозяин кабинета, кареглазый человек в пиджаке защитного цвета, протирая в это время очки и, взглянув на посетителя, ответил:

– Очень приятно, слушаю вас. Прошу присесть, – указал он Бендеру на стул.

Сядясь, Бендер невольно отметил, что стул был работы Гамбса из такого же гостиного гарнитура предводителя дворянства Воробьянинова. И когда сел, то даже заерзal интуитивно на нем – нет ли там брильянтов мадам Петуховой, за которыми он так безуспешна охотился?

– Мой покойный отец – красный командир, герой гражданской войны, – уверенно начал Остап, – перед тем, как пойти защищать революцию, он работал в археологической экспедиции профессора Добрынина. Слышали, наверное, о таком?

Председатель напряг свою память и, пожав плечами, ответил неопределенно:

– Да, вроде...

– Да откуда об этом можно знать, – печально покачал головой Остап, – когда наша пресса так скучно освещает важные события, так скучно, товарищ председатель, – осуждающее повторил Бендер.

– А возьмите работу нашего ВУАКа? – оживился начальник археологического комитета. – Ни слова о раскопках Берестянского городища, ни слова, уважаемый. Согласен, вполне с вами согласен, товарищ... Как ваша фамилия?

– Бендер, Остап Бендер, – уточнил великий комбинатор.

– И если бы не наш сборник «Хроника археологии и искусства», который мы издаем нашим ВУАКом... – покачал головой председатель.

– Так вот, мой покойный пapa, археолог Сибири в прошлом... – печальным голосом после паузы продолжил Остап и повторил: – Мой покойный пapa перед смертью сказал: «Остап, будь моим верным продолжателем археологической науки. Когда закончишь учебу, то все силы посвяти археологии. Создай общество археологических изысканий. Этим самым ты сделаешь огромный вклад в науку о древней культуре наших народов...»

– Это прекрасно, это похвально, товарищ Бендер, но я не знаю, чем наш ВУАК может помочь вам в этом? – одел очки хозяин кабинета. – Откровенно говоря, уважаемый председатель, мало чем. Разве только дать мне рекомендации в виде письма, чтобы я мог открыть контору под вывеской, скажем, «Добровольное общество любителей археологии», аббревиатура которого «ДОЛАРХ».

– Это можно, это можно, дорогой энтузиаст. И довольно-таки призывающе звучит...

– Звучит, – с улыбкой подтвердил великий выдумщик. И продолжил, все больше и больше входя в роль организатора. – Создадим «ДОЛАРХ» и его члены займутся поисками того наследия древних, что так ценно для нашего государства. Мы мобилизуем прессу, начнем выпускать свой информационный бюллетень, членскими взносами будем оказывать финансовую поддержку экспедициям, закажем значки для членов общества и медали для отличив-

шихся. Созвем конференцию, на которую пригласим не только известных наших ученых, но и зарубежных. Организуем музей находок, а плату за осмотр их используем для финансирования наших экспедиций...

Убедительная многообещающая речь Остапа продолжалась еще несколько минут, после нее он получил разрешение осматривать найденные археологические ценности, имеющиеся в комитете и пользоваться библиотекой ВУАКа. А когда вышел на улицу, то в руках его было свежеотпечатанное на бланке ВУАКа письмо к городским властям с просьбой оказать всяческую помощь в организации ДОЛАРХа.

Когда Балаганов прочел письмо, то со свойственным ему новым пониманием, воскликнул:

– Так это же благословение Божье, командор!

– Точно, Шура, перед нами теперь все двери будут открыты. Действовать надо, действовать, брат Коля! Кроме этого письма, Шура, у нас есть теперь узаконенное жилье, подведомственное ВУАКу. Вот ордер на две особы, – помахал бумажкой с печатью перед носом Балаганова Остап.

Этот ордер Бендер получил после того, как прощаясь с председателем ВУАКа, он сказал:

– Еще одна просьба, – вспомнил он как не мог устроиться в гостиницу, когда был миллионером, – не мог бы ваш комитет помочь мне и моему брату устроиться в гостиницу?

– А почему же нет, – улыбнулся возглавляющий комитет, – Зачем вам гостиница? У нас есть свои комнаты для приезжих тут неподалеку. В них останавливаются участники экспедиций, – нажал он кнопку звонка и отдал распоряжение секретарше.

– Вперед, верный мой изыскатель! Вернее, старший научный сотрудник «Добровольного общества любителей археологии», аббревиатура которого ДОЛАРХ. Звучит почти как слово: доллар! – засмеялся Бендер.

Было заметно, что он все больше и больше возвращался в свой прежний веселый и уверенный до наглости образ.

В этот же день Остап побывал таким же способом у председателя горисполкома и получил ордер на занятие комнаты в полуподвальном этаже дома на углу Прорезной и Крещатика.

В жилищно-коммунальном отделе великому комбинатору предлагали другие адреса и лучшие помещения для его ДОЛАРХа, но руководствуясь принятым с Балагановым решением, Остап избрал именно полуподвал на заветном месте. Но не только потому, что это место связано с воспоминаниями о Паниковском. Но и по причине нахождения этой комнаты в центре, что являлось немаловажным фактором для привлечения членов в организуемое общество.

В конце дня в газете «Вечерний Киев» появилось броское объявление:

«Внимание!

**Продолжается прием в «ДОБРОВОЛЬНОЕ
ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ АРХЕОЛОГИИ»!**

**Спешите вступить в современное научное
общество и вы узнаете много тайн!**

Тайн древнерусских Киевских кладов!

Спешите записаться! Есть еще места и время!

**Вас ждут увлекательные экспедиции
за ценностями древности!**

Обращаться по адресу:

Крещатик, 30, первый этаж.

**(Между зданиями бывшего банка
внешней торговли и гостиницы «Савой»)**

Вечером, сидя за ужином в комнате, подведомственной ВУАКу, акционеры ДОЛАРХа с удовлетворением прочли свое объявление и Остап сказал:

– Вот видите, Шура, что значит действовать? Уже завтра и в последующие дни нам придется встречать поступающих в наше общество...

– Командор, но в том полуподвале нет еще и табуретки! – вставил Балаганов. – Как же... Снова будем покупать, как в Черноморске?

– Э-э, нет, товарищ Балаганов, не будем дураками. Поумнели. Так как наша контора официальная, то для ее начинки в жилищно-коммунальном отделе горисполкома имеется фонд реквизированной в свое время мебели у местного дворянства и буржуазии. С утра я туда и отправлюсь. А вы, Шура, – за вывеской, которую за ночь должен нарисовать нанятый нами художник. Ясно? Завтра же мы закажем удостоверения, которые будем вручать поступающим. – Немного подумав, он сказал:– И, конечно, печать нашего ДОЛАРХа.

– Ну, командор, я всегда восхищался вашими действиями, но сейчас... Чтобы за один день, – покачал своей рыжекудрявой головой Балаганов, – заиметь вот это жилье и помещение для нашего предприятия...

– Так вы, товарищ Балаганов, говорите, что всегда восторгались моими действиями? – усмехнулся Остап. – Я бы не сказал, что всегда. Вспомните ваш идиотский поступок с гирями...

– Это не я, не я, командор, придумал! – запротестовал бывший уполномоченный по рогам и копытам. – Это все покойный Михаил Самуэльевич втравил меня в это!

– Не тревожьте прах Паниковского, Балаганов. У вас своя голова была на плечах, а не тыква. Ладно, спать. Завтра нам понадобятся свежие силы, чтобы вдохнуть жизнь в наш ДОЛАРХ, дорогой Шура.

В конце следующего дня над входом в полуподвал дома номер 30, что на правом углу, если стоять лицом к Дому-улице «Пассаж», Прорезной и Крещатика, появилась красочная вывеска:

«ДОБРОВОЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ЛИЮБИТЕЛЕЙ АРХЕОЛОГИИ»

ДОЛАРХ

Киевское отделение

Спустившись по трем ступенькам в комнату, поступающий в это общество мог видеть, что пол чисто вымыт, стоят три конторских в чернильных пятнах стола, а на стенах висят призывные плакаты и таблички, указывающие часы приема. Полдюжины венских стульев и кресло в одном углу, а фанерный шкаф в другом, делали эту просторную комнату привычным служебным помещением.

В самой глубине комнаты, под табличкой «Председатель отделения» сидел великий комбинатор, включая и выключая озаряющий его свет настольной лампы. Справа от него за другим столом сидел рыжекудрявый молодец – Шура Балаганов под табличкой: «Старший научный сотрудник».

– Нет только пишущей машинки, командор, – довольно улыбался Балаганов.

– Купим, Шура. Она нам необходима. Но уже без буквы «Э», как в Черноморске, – засмеялся Остап. – Эх, брат Коля, брат Коля, – осуждающе посмотрел на своего подчиненного он.

– Да, вы, Остап Ибрагимович, тогда меня здорово ругнули, что я такую купил. С турецким акцентом! – рассмеялся старший научный сотрудник общества.

– Итак, что нам надо сделать завтра, Шура. Первое, положить деньги в банк...

При слове «банк» Балаганов сжался, поморщился и промолвил:

– А может, обойдемся, Остап Ибрагимович? – и потрогал свой заветный пояс вокруг талии, откуда уже была изъята пара сот рублей для организационных расходов.

– Как хотите, товарищ Балаганов, – сухо ответил Бендер. – Что ж, вы так и будете таскать на себе этот пояс? Весна, лето идет, жарко, Шура, жарко.

– Хорошо, командор, решили, – кивнул компаньон. – В банк.

– Второе, – одобрительно взглянул на единомышленника Бендер. – Получить заказанные печать, бланки удостоверений, купить канцелярские принадлежности...

– И пишущую машинку, – вставил Балаганов.

– И ее, Шура. А также пару репродукционных картин, отражающих деятельность ДОЛАРХа.

Глава VI. ОТ АРХЕОЛОГИИ К КОММЕРЦИИ

Настроение великого комбинатора и его помощника Балаганова было великолепное. Ничто не могло омрачить их светлую радость от предпринимаемого. Им очень нравилось их новое поприще. А Балаганову особенно, видя как они скромно и удачно оборудовали свое учреждение без тех излишних затрат, которые так расточительно наделал в прошлом Остап в Черноморске, открывая контору «Рога и копыта».

Через два дня в учреждение любителей археологии пожаловали два молодых человека Товстохлеб и Ничепуренко. Остап провел с ними пространную беседу, с содержанием тех скучных знаний по археологии, которыми обладал и торжественно вручил парням удостоверения, заверенные круглой печатью, подтверждающие, что они отныне являются полноправными членами ДОЛАРХа. А когда они спросили, чем будут заниматься, председатель ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.